

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

СЕБАСТЬЯН

ФИТЦЕК

МИХАЭЛЬ

ТСОКОС

Национальный бестселлер № 1
от самого известного немецкого
автора психологических
триллеров

ОТРЕЗАННЫЙ

Продано **12 000 000** экземпляров

Михаэль Тсокос
Себастьян Фитцек
Отрезанный
Серия «Иностранный детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42755948

Отрезанный:

ISBN 978-5-227-08654-9, 978-5-227-08671-6

Аннотация

Ведущий судмедэксперт Федерального ведомства уголовной полиции Германии Пауль Херцфельд нашел в голове чудовищно изуродованного женского трупа записку с номером телефона своей дочери Ханны. Оказывается, девочка похищена, и злоумышленник с извращенным сознанием вовлекает Пауля в смертельно опасную игру, оставляя призрачную надежду спасти дочь. Очередное указание о дальнейших действиях спрятано еще в одном трупе, который находится на северном острове Гельголанд. Однако Херцфельд не имеет шансов получить информацию. Мощный циклон отрезал остров от материка, население уже эвакуировали. Среди немногих, кто остался, художница комиксов Линда. Она и обнаружила на пляже мертвеца. Отчаявшийся отец пытается уговорить ее провести вскрытие по его телефонным инструкциям. Но Линда никогда

не касалась скальпеля. Не говоря уже о том, чтобы рассекать человеческое тело...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	43
Глава 5	52
Глава 6	62
Глава 7	69
Глава 8	75
Глава 9	78
Глава 10	83
Глава 11	89
Глава 12	98
Глава 13	104
Глава 14	109
Глава 15	118
Глава 16	130
Конец ознакомительного фрагмента.	132

**Себастьян Фитцек,
Михаэль Тсокос
Отрезанный**

Abgeschnitten

Copyright © 2012 by Verlagsgruppe

Droemer Knaur GmbH & Co.

KG, Munich, Germany

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2019

Пролог

– Ну, где ты там запропастилась? – Суровый голос матери в наушниках мобильного был под стать морозам, сковавшим дорогу.

Наушники Фионы, казалось, притягивали к себе стужу, словно магниты, – ее уши уже совсем не чувствовали вставленных в них «пуговок».

– Сейчас буду, мама! – ответила девочка.

В этот момент переднее колесо ее велосипеда наехало на обледенелую рытвину, и она, чуть было не упав, качнулась в седле, но удержалась. Не оборачиваясь, Фиона уверенным движением руки стала проверять, не потерялся ли школьный ранец, лежащий в багажнике, и тут в наушниках вновь раздался голос матери:

– Что значит «сейчас»?

– Через десять минут.

Не успела она ответить, как заднее колесо велосипеда стало разворачиваться на льду, потеряв сцепление с дорогой.

«Пожалуй, дальше лучше идти пешком», – подумала девочка, увидев в мерцающем свете передней фары своего железного друга очередной поворот извилистой тропинки, высветившийся, как всегда, в последнюю секунду.

Хорошо еще, что сама тропка оказалась не столь заснеженной, как велосипедная дорожка вдоль Кенигсгалее.

– Через десять минут? Ты должна была вернуться к ужину еще час назад!

– Мне пришлось уточнять у Катрины иностранные слова, – солгала Фиона, на самом деле проведшая все послеобеденное время у Сандро.

Однако говорить матери правду девочка не собиралась, поскольку та и так считала, что парень плохо влияет на ее дочь. Ведь он был уже совершеннолетним, и к тому же при разговоре с ней никогда не вынимал «пуговики» наушников из ушей.

Если бы она знала!

– Мама, у меня зарядка кончается, всего два процента осталось, – сказала на этот раз правду девочка.

В наушниках послышался тяжелый вздох матери:

– Поторопись, но не вздумай срезать и ехать по короткой дороге! Ты меня слышишь?

– Да, мама, – нервно выдохнула Фиона и резко дернула руль велосипеда вверх, чтобы не наехать передним колесом на корягу.

«Я уже не маленькая, мне тринадцать лет, – пронеслось в этот момент у нее в голове. – Ну почему родители относятся ко мне, как к грудному ребенку?»

На ум поневоле пришли слова Сандро о том, что, пожалуй, нет более надежного места на свете, чем ночной лес. Действительно, какому убийце придет в голову морозить себе задницу в надежде подкараулить случайного велосипеди-

ста? Статистика – и в этом Сандро был прав – однозначно свидетельствовала, что гораздо больше преступлений совершается в дневное время или в освещенных помещениях, чем в темноте. Тем не менее все почему-то считают, что опасность подстерегает их именно в потемках.

«Подобные утверждения настолько же бессмысленны, как и постоянные предупреждения о необходимости остерегаться чужаков», – подумала девочка.

Данные статистики также говорили и о том, что в большинстве случаев сексуальными насильниками оказывались не чужие люди, а родные, близкие знакомые и даже собственные родители. Но никому и в голову не приходило запрещать детям садиться в машину к своему отцу или матери.

– Поторопись, Фионочка! – донеслись до девочки последние слова матери, а затем батарея телефона окончательно попрощалась со своей владелицей длинным и жалобным писком.

«Опять эта «Фионочка»! – с раздражением подумала юная велосипедистка. – И когда только она перестанет называть меня этим глупым ласковым именем? Боже! Как достала меня наша дурацкая семейка! Если бы только я могла навсегда свалить из дома!»

Подумав так, она с силой надавила на педали велосипеда. Между тем тропинка становилась все уже, делая, словно змея, полукруг между соснами и затем снова выворачивая на лесную дорогу.

Фióне очень не нравилось петлять между деревьями, но едва она выехала из-за сосен, защищавших ее от порывов ветра, на открытый участок дороги, как тут же оказалась во власти колючего ледяного вихря, обрушившегося на нее. На глаза девочки немедленно навернулись слезы, и она не сразу заметила мерцание задних габаритных огней машины, возникших перед ней словно в тумане. Универсал был то ли зеленого, то ли черного, а может быть, и синего цвета. В общем, какой-то темной окраски. Большая машина стояла с работающим мотором возле бревен, аккуратно сложенных в штабель. Дверца багажника у нее была поднята, и в тусклом свете багажного отделения Фióна заметила какое-то шевеление. Сердце девочки бешено забилося, как случалось всегда, когда она начинала волноваться.

«Возьми себя в руки! Ты же не трусиха! Тебе не раз доводилось бывать в весьма щекотливых ситуациях! Почему же тобой сейчас овладел страх?»

При этой мысли девочка нажала на педали велосипеда и поехала быстрее, но, когда до универсала оставалось каких-то несколько метров, случилось нечто ужасное: из багажника выпала рука! По крайней мере, именно так привиделось Фióне в призрачном свете. Девочка от страха притормозила возле самой машины и подумала: «Неужели мне почудилось?»

Но нет, рука вновь пришла в движение, и пальцы прошли по залепленному грязью номерному знаку. При этом

само тело оставалось лежать в багажнике.

– Помоги мне! – внезапно послышался хриплый голос.

Он принадлежал лежащему в багажнике старику. Во всяком случае, именно так оценила его возраст Фиона, для которой все люди старше тридцати лет были глубокими старцами, одной ногой стоявшими в могиле. Голос мужчины звучал настолько тихо, что едва прорывался сквозь урчание работавшего мотора.

– Помоги! – вновь донеслось из багажника.

Первым желанием Фионы было поскорее проехать мимо, но тут мужчина с трудом приподнялся и повернул к ней залитое кровью лицо. Он простер в ее сторону руку, прося о помощи. В этот момент девочке почему-то припомнился висевший в комнате Сандро плакат, на котором когтистая лапа зомби торчала из могильного холмика.

– Пожалуйста, не бросай меня! – вновь с мольбой прохрипел незнакомец.

На этот раз его голос прозвучал немного громче.

Фиона остановилась, сошла с велосипеда и с некоторым страхом, соблюдая, как ей казалось, безопасную дистанцию, принялась в нерешительности разглядывать мужчину. Глаза у него были залеплены грязью, из уголков рта стекали капельки крови, а правая нога вывернулась под неестественным углом.

– Что случилось? – запинаясь, спросила Фиона, чье сердце забилось еще чаще.

– На меня напали.

Фиона с некоторым сомнением приблизилась, стараясь лучше разглядеть незнакомца. Однако при слабом освещении багажника она смогла различить лишь то, что мужчина одет в спортивный костюм и кроссовки. В этот момент взгляд девочки упал на детское сиденье, лежащее в багажном отделении, и по ее телу пробежала дрожь. Мгновенно припомнились слова Сандро, который внушал ей: «Не позволяй себя обмануть. Настоящие психопаты всегда принимают образ жертвы, чтобы вызвать к себе сочувствие».

Кто-кто, а Сандро точно знал, что говорит, ведь он разобрался в жизни гораздо лучше, чем ее мать.

«Может быть, этот тип действительно опасен? – подумала Фиона. – Скорее всего, он заслужил, чтобы с ним так обошлись. Как бы то ни было, меня это не касается».

Фиона вновь уселась в седло велосипеда и собралась уже ехать дальше, но мужчина вдруг заплакал:

– Пожалуйста, не уезжай. Я же ничего плохого тебе не сделаю!

– Все вы так говорите.

– Но посмотри на меня! Разве ты не видишь, что мне нужна помощь? Умоляю, вызови машину скорой помощи!

– Мой мобильник совсем разрядился, – ответила Фиона и вытащила из ушей «пуговики» наушников, о которых в возбуждении от увиденного совсем забыла.

Силы, казалось, окончательно оставили мужчину, но он

все же произнес:

– У меня есть мобильник.

Тогда Фиона постучала костяшками пальцев себе по лбу, давая незнакомцу понять, что тот не в своем уме, и заявила:

– Я не собираюсь до вас дотрагиваться, и не надейтесь!

– А тебе и не надо. Он лежит в салоне спереди.

В этот момент мужчину скрючило так, как будто у него начались желудочные колики. От боли его трясло.

«Черт! Что же мне делать?» – подумала Фиона, обхватив пальцами руль велосипеда.

Несмотря на то что на руках у нее были надеты толстые кожаные перчатки, пальцы все же замерзли.

«Должна я или не должна?» – думала девочка, изо рта которой на морозном воздухе вырывались клубы пара.

Тут раненый вновь попытался приподняться, но силы оставили его, и он распластался на днище багажника.

– Прошу... – только и выговорил мужчина.

В этот момент Фиону будто бы кто-то подтолкнул.

«Будь что будет, – решила она. – Ничего страшного со мной не случится».

Опоры ее велосипеда никак не хотели устанавливаться на неровной дороге, и Фионе пришлось положить его прямо на землю. Соблюдая безопасную дистанцию, она прошмыгнула вдоль машины и открыла водительскую дверь. Однако в кронштейне для громкой связи телефона не было.

– Где телефон? – спросила девочка.

– Он лежит в бардачке, – прохрипел мужчина.

Коротко поразмыслив над тем, стоит ли ей огибать машину, Фиона решила этого не делать и дотянуться до бардачка через водительское кресло. Она нырнула в салон автомобиля, откинула крышку, но мобильного в указанном мужчиной месте не обнаружила.

Да его там и быть не могло!

Вместо мобильного телефона из бардачка выпала надорванная упаковка с резиновыми перчатками и скотч. Сердце Фионы бешено заколотилось, и тут совсем близко послышался уже знакомый хриплый голос:

– Нашла?

Резко обернувшись, девочка увидела, что мужчина развернулся и встал в багажнике на колени позади задних кресел. Теперь ее от него отделял всего лишь один короткий прыжок.

Все дальнейшее произошло очень быстро!

Фиона не стала надевать резиновые перчатки, поскольку на ней были свои, чего, по ее мнению, было достаточно. Она молниеносно сунула руку под сиденье и точно в указанном Сандро месте нащупала пистолет. Он был заряжен и снят с предохранителя. Девочка направила ствол на мужчину, зажмурила правый глаз и выстрелила незнакомцу прямо в лицо.

Глушитель сработал исправно, и звук выстрела прозвучал так, как будто кто-то аккуратно вытянул пробку из бутылки с

вином. Мужчина упал обратно в багажник, а Фиона, выбравшись из универсала, широко размахнулась и бросила пистолет в лес. При этом она действовала в точности так, как инструктировал ее Сандро. Затем девочка подняла брошенный велосипед.

«Как жаль, что мобильник разрядился, – подумала она. – А то бы я сразу послала Сандро эсэмэску и сообщила ему о том, что все прошло удачно».

Правда, операция оказалась на волосок от срыва, и все из-за того, что ей на мгновение стало жаль незнакомца. Но уговор есть уговор. Кроме того, Фионе нужны были деньги – ведь она собиралась свалить из дома. Не выходили у нее из головы и последние слова Сандро, которыми он ее напутствовал: «Этот мешок с дерьмом только такое и заслужил».

Не забыла Фиона также об обещании Сандро, которое он ей дал, о том, что она выполняет его задание в последний раз. И это было вполне логично.

«Мне ведь на следующей неделе исполняется четырнадцать, – подумала тогда она. – А это означает наступление возраста уголовной ответственности, и за подобные дела меня могли бы упрятать за решетку. Теперь же максимум, что мне грозит, – это исправительные социальные работы».

Фиону при разговоре с Сандро поразило наличие в стране такой великолепной правовой системы, а кроме того, ее изумило, насколько хорошо он разбирался в законах, праве и прочей подобной чепухе. Да, Сандро действительно пони-

мал в жизни гораздо больше, чем ее мать.

Мысленно представив, как завтра она будет подробно, в деталях, рассказывать Сандро о происшедшем, Фиона весело улыбнулась – скотч, предназначенный для предварительного связывания убитого ею придурка, так и не понадобился.

Однако следовало поторопиться – ее заждались к ужину.

Глава 1

*Десять дней спустя. Гельголанд*¹

– Кровь мне не нравится! – в изнеможении прошептала Линда, разглядывая жертву.

Она трудилась над мужчиной уже несколько часов, и ее вполне удовлетворял вид ножа, воткнутого в его волосатый живот, вывалившихся из него кишок и даже стеклянных глаз мертвеца, в которых, как в зеркале, отражался образ убийцы. Но вот кровь ей не нравилась!

– Она выглядит как-то неестественно! – раздраженно воскликнула Линда. – Опять я все испортила!

Она с яростью вырвала лист бумаги из блокнота для рисования, скомкала его и бросила на пол рядом с другими неудачными набросками, валявшимися возле ее мольберта. Затем вытащила наушники-вкладыши и наполнила комнату мрачными звуками тяжелого рока, заглушившими шум морского прибоя.

Линда налила себе горячего кофе из термоса и, прежде чем сделать первый глоток, машинально согрела озябшие пальцы о чашку.

«Проклятые сцены насилия!» – невольно подумала она. Изображение смерти всегда было для нее самым трудным

¹ Гельголанд – принадлежащий Германии архипелаг (до 1720 года – единый остров) в Гельголандской бухте на юго-востоке Северного моря.

делом, но именно этого от нее ожидали. Ведь ее комиксы в основном читали девушки-подростки, а по каким-то непонятным причинам именно прекрасные представительницы слабого пола имели особое пристрастие к сценам насилия. Причем чем более жестокими и кровавыми были эти сцены, тем больше девушки ощущали себя настоящими женщинами-воительницами. Во всяком случае, именно это не уставал подчеркивать ее издатель.

Сама же Линда предпочитала рисунки с натуры, но не картины в духе слащавых сюжетов Розамунды Пилчер² и не пейзажи, изображающие луга, усеянные цветами, или поля с колыхающей под ветром нивой. Ее завораживали проявления первобытной природной силы – крутые скалы, извержения вулканов и фонтаны гейзеров, огромные гребни волн, образующиеся при цунами. И именно такая, захватывающая дух картина открывалась из ее окон. В своей маленькой мастерской под самой крышей Линда наслаждалась великолепным зрелищем бушующего Северного моря возле Гельгоганда.

Мастерская располагалась в скромном двухэтажном деревянном доме – одном из немногих отдельно стоявших зданий на западном побережье острова. Оно прилепилось на самом краю огромной воронки, образовавшейся в результате взрыва бомб при бомбежке Гельгоганда англичанами во вре-

² Пилчер Розамунда – известная английская писательница, считающаяся мастером женского романа.

мя Второй мировой войны. И таких отметин здесь было множество.

Поглядывая на море сквозь высокое и узкое окно, Линда принялась затачивать синий карандаш, которым обычно делала наброски будущего рисунка.

«Почему никто не платит мне за то, чтобы я запечатлела эту великолепную картину?» – в который уже раз задала она себе вопрос.

После того как Линда сюда сбежала, он постоянно возникал у нее в голове. И это было не случайно – такому настрою способствовало пенящееся море с низко нависшими над ним облаками. Складывалось впечатление, что за последние дни остров еще больше продвинулся вглубь морской пучины. Образовавшиеся от постоянных ударов морской волны промоины рядом с южным портом были до краев заполнены водой, а от бетонных столбов, напоминавших ежей и брошенных в море для защиты берега от оползней, на поверхности виднелись только верхушки, да и то лишь наиболее близкие.

Несмотря на штормовое предупреждение, Линда с удовольствием нацепила бы на себя резиновые сапоги и непромокаемую куртку и отправилась на взморье, чтобы подставить лицо под холодные порывы ветра, напитанного дождем. Однако для этого было еще слишком рано.

К тому же ей вспомнилось, что она дала себе слово дожидаться великой бури и не покидать остров до этого момента. Такому решению способствовало то обстоятельство, что

по радио ежедневно передавали сообщения службы по предупреждению катастроф с рекомендациями срочно уехать из Гельголанда до того времени, когда остров окажется во власти урагана с безобидным именем «Анна».

Пугающие прогнозы, конечно, не могли не воздействовать на население острова. Поначалу никто не верил сообщениям о том, что в этот раз Гельголанд может подвергнуться большому разрушению и оказаться отрезанным от материка, но только до тех пор, пока предвестник урагана не снес крышу с южного крыла больницы. И хотя дождь не проникал в остальные части здания, полноценное медицинское обслуживание стало невозможным. К тому же было повреждено электрооборудование, что чуть не привело к пожару. Когда же по радио объявили, что в сложившейся ситуации власти больше не гарантируют бесперебойного снабжения жителей острова продуктами питания, большинство пожилых людей и семей с детьми предпочли покинуть Гельголанд. Были эвакуированы и немногочисленные туристы.

После того как с острова после обеда отчалил последний паром, на всем Гельголанде осталось меньше половины населения – около семисот человек. Они продолжали упорствовать, не обращая внимания на плохую погоду и еще более удручающие прогнозы. Их не покидала надежда, что возможные большие разрушения, предсказанные синоптиками, окажутся не столь драматичными.

Активисты из числа оставшихся на острове жителей еже-

дневно собирались обсудить складывавшуюся обстановку в «Бандруппе» – гостинице, имевшей такое же название, что и фамилия бургомистра. Людями двигало желание не бросать свои дома, а также нажитое имущество на произвол судьбы и стремление оставаться на своих местах даже в самые плохие времена.

Однако решение Линды задержаться на Гельголанде было вызвано совсем другими мотивами. Она была, пожалуй, единственным человеком, желавшим, чтобы ураган обрушился на остров со всей своей мощью и вытекающими из этого последствиями. Ее не пугала даже перспектива на протяжении долгого времени питаться одними консервами и пить воду из-под крана.

Линда считала, что, поскольку остров окажется отрезанным от остального мира, те ужасы, от которых она бежала, здесь ее не настигнут. Только тогда, по ее мнению, ей можно будет без страха покинуть свое убежище.

– На сегодня достаточно, – громко сказала она и отошла от мольберта.

С самого раннего утра Линда билась над сценой решающего поединка, в котором похожая на амазонку героиня мстит своему врагу. Стоило ли удивляться, что после семи часов упорного труда ее шея одеревенела и стала напоминать застывший гипс. Однако причин для такой изнуряющей работы, в какой она пребывала все последние дни, не было – новых редакционных заданий не поступало, а издательство

даже не подозревало, что художница впервые в жизни корпит над собственным сюжетом. Ведь до сих пор ей позволялось делать только иллюстрации к творениям других авторов.

После того как Линда внезапно исчезла, даже не закончив последний проект, издательство не имело представления, что с ней, где она и вообще жива или нет. Поскольку такое ее поведение наверняка привело к срыву обговоренных с заказчиком сроков, рассчитывать на получение новых заданий ей вряд ли стоило. Именно поэтому теперь у нее появилась возможность рисовать то, что хотелось ей самой.

Однако, как только она садилась за работу, чтобы реализовать свой творческий потенциал, перед ее внутренним взором вставали не любимые ею виды живой природы, а образ мертвого мужчины. И хотя при изображении этой сцены насилия у нее возникало обычное в таких случаях чувство отвращения, Линда в глубине души понимала, что ей все-таки придется отобразить на бумаге данный образ.

«Я смогу рисовать море только после того, как сделаю это! Сначала необходимо выплеснуть на бумагу весь тот ужас, который накопился у меня на душе», – пришла к выводу художница.

Она тяжело вздохнула и спустилась в ванную, располагавшуюся этажом ниже. К концу рабочего дня Линда чувствовала себя так, как будто пробежала длинный марафон – усталой, опустошенной и грязной. Ей срочно требовалось при-

нять душ.

Судя по всему, дом никогда не ремонтировали. И это особенно ощущалось в ванной комнате. Темно-зеленые кафельные плитки на стенах давно требовали замены. Нечто подобное Линда в последний раз видела в туалете закусочной на заправочной станции, стоявшей на автостраде. Модные же некогда шторы душа относились к тому времени, когда в обиходе еще были телефонные аппараты с вращающимся диском. Тем не менее через несколько секунд вода стала теплой, и это заметно отличалось в лучшую сторону от того, к чему Линда привыкла в своей берлинской квартире.

В общем, при других обстоятельствах она чувствовала бы себя в этом неказистом доме с обшарпанными стенами, покосившимися оконными рамами и низкими потолками весьма уютно. Линда не придавала особого значения роскоши, к тому же вид на море вполне компенсировал выцветшие обои на стенах, старую обивку кресел цвета охры и несуразное чучело рыбы над камином.

«Однако великолепный морской пейзаж никак не может избавить меня от мрачных навязчивых ночных видений, крадущих мой сон», – вынуждена была признать Линда.

Она поправила темную блузку, которой при въезде занавесила зеркальный шкафчик, и стала раздеваться. Последние месяцы наложили отпечаток на ее внешний вид, и Линда не желала ежедневно видеть себя в зеркале.

Под душем она сначала намылила доходящие до плеч

каштановые волосы, а потом покрыла душистой пеной свое стройное тело. Раньше у нее имелось много лишнего жира, однако сейчас при взгляде на стройные бедра Линды никто бы этого не сказал. Теперь ни один человек не согласился бы со сделанным когда-то шутливым замечанием Дэнни о том, что она «хорошо откормлена». От воспоминания о своем бывшем приятеле художницу охватила дрожь, и она сделала воду еще горячее. Во время мытья, по уже сформировавшейся привычке, Линда старалась не дотрагиваться до лица, чтобы не беречь свои раны.

Однако на этот раз она среагировала не так быстро, как обычно, и немного мыльной пены скатилось от корней волос по рубцу, обезображивающему ее лоб. Хотя со стороны казалось, будто на лоб всего лишь неудачно легли волосы густой челки.

И все же это было не так!

Линда неохотно подставила лицо под поток горячей воды, лившейся из душа, что было еще хуже, чем ощупывать шрам собственными пальцами.

У Линды имелось немало рубцов, да к тому же не заживших. Но в отличие от шрама на ее лбу они были значительно больше и располагались в таких местах, где не представлялось возможным наложить мазь от ран и куда не мог проникнуть ни один хирург, – они находились глубоко внутри, спрятанные в ткани ее психики.

После десятиминутного массажа под струями горячего

душа тяжесть в затылке стала отступать. Теперь следовало перед сном принять таблетку ибупрофена, чтобы по возможности предотвратить ужасную головную боль. Два дня назад она забыла это сделать и ночью проснулась от ощущения, будто кто-то невидимый орудовал в ее черепной коробке отбойным молотком. Закончив водные процедуры, Линда завернула кран, дождалась, пока из покрытого известковым налетом душа перестанет капать вода, отодвинула занавеску и застыла как изваяние.

Замереть ее заставило какое-то неопределенное чувство. В первый момент она еще не поняла, что именно изменилось в ванной комнате: дверь оставалась закрытой, блузка по-прежнему висела на зеркале, а полотенце – на трубе отопления.

И все же что-то было не так!

Еще год назад Линда ничего бы не почувствовала, но после всего того, что с ней произошло, у нее развилось некое шестое чувство, с помощью которого она безошибочно определяла скрытые угрозы. Чувствительной к опасности ее сделал не только просмотр видеокассет, стоявших на ночном столике в берлинской квартире, но и видеороликов, на которых была запечатлена она сама. Причем эту съемку производил кто-то неизвестный в то время, когда Линда спала!

Она затаила дыхание и стала прислушиваться, чтобы обнаружить подозрительные шорохи, но, кроме завывания порывов разбушевавшегося на улице шторма и жалобного сте-

нения дома, противостоящего ударам стихии, ничего не услышала.

«Ложная тревога», – подумала она и принялась глубоко дышать, чтобы нормализовать биение сердца.

Вся покрытая мурашками, Линда вылезла из ванны и взялась за полотенце. В ту же секунду ее словно током ударило – возникло ощущение, будто сзади кто-то стоит. Дрожа всем телом, она громко закричала и резко обернулась, в любое мгновение ожидая нападения. Однако она никого не увидела. Тем не менее страх не только не желал оставлять ее, а даже усилился. И стряхнуть его было не так-то просто, как полотенце, которое она отбросила от себя на пол.

«Полотенце!» – внезапно пронзило открытие Линду.

Вот что вызвало у нее непередаваемое чувство отвращения и ужаса. Полотенце было мокрым!

Кто-то вытерся им, пока она стояла под душем!

Глава 2

– Проклятье! Ошибки быть не может! Я его не трогала! – в истерике кричала в телефон Линда. – Я точно помню, как сама повесила полотенце на трубу отопления!

Безуспешные попытки ее успокоить, которые предпринимал брат художницы на другом конце провода, злили Линду еще больше. Кровь прилила к голове. И хотя Клеменс не мог видеть свою сестру, он знал ее настолько хорошо, что по одной интонации сразу же догадался, что она покраснела. Ведь такое происходило с ней всякий раз, когда Линда приходила в возбужденное состояние.

– Успокойся, малышка, – сказал он голосом одного из героев столь любимого им фильма, повествующего о преступном мире Нью-Йорка. – Я все уладил, и тебе нечего больше бояться.

– Ага! – выдохнула в мобильник Линда. – А как ты объяснишь мокрое полотенце? Это точно почерк Дэнни!

«Дэнни, – одернула себя Линда. – Ну почему я продолжаю называть этого негодяя так ласково?»

От мысли, что она спала с подобной мразью, причем неоднократно, ей стало плохо. При этом Линда не могла отрицать, что об отвратительных качествах Дэнни ее не предупреждали.

«Насколько хорошо он выглядит, настолько плохо все за-

кончится», – пророчески говорила ее мать.

Не остался в стороне и отец, который всегда попадал в самую точку, давая оценку людям: «Меня не оставляет ощущение, что он еще не показал свое истинное лицо».

При всей оторванности от жизни ее добропорядочных родителей, проводивших все свое время за проверкой школьных контрольных работ и на педагогических конференциях, за тридцать лет преподавательской работы разбираться в людях они все же научились. Во всяком случае, им не потребовалось обладать даром ясновидения, чтобы сразу понять, что отношения их дочери с Дэнни окончатся плохо. А ведь Даниэль Гааг, между прочим, был в числе авторов, произведения которых Линда иллюстрировала, причем одним из самых успешных. И поэтому можно было сказать, что он являлся в каком-то роде ее боссом, а интрижки с начальством, как известно, обычно заканчиваются плохо. Однако никто, в том числе и ее родители, не мог даже предположить, насколько плохо!

Все начиналось довольно безобидно, и надо признать, что в подобных случаях обычно именно так все и происходит. От Линды взрывной темперамент Даниэля, конечно, не укрылся. Однако поначалу она воспринимала его вспышки ревности с улыбкой. Особенно когда он, например, злился на ничего не значащий стандартный комплимент официанта или начинал упрекать ее в том, что она не слишком быстро ответила на его эсэмэску.

Линда осознавала, что ее прямота смущает парней. Она любила рассказывать грязные анекдоты, часто и громко смеялась, а также легко относилась к сексу и не стеснялась проявлять в постели инициативу. При этом после долгой танцевальной ночи в клубе девушке нравилось отправляться утром в Национальную галерею и проводить там своеобразные экскурсии. Надо было видеть, с каким интересом ловили незнакомые люди каждое слово Линды, когда она экспромтом начинала рассказывать о выставленных там произведениях искусства.

Парням, знавшим о ее эксцентричности, легко удавалось завоевать сердце девушки. Однако многие ухажеры быстро уставали и вскоре буквально валились с ног, а чтобы оправдать себя в собственных глазах, начинали распространять слухи о том, что Линда – просто сумасшедшая дешевая курица, легко прыгающая в постель к мужчинам. Но это не соответствовало действительности.

Линда так скоро прерывала свои знакомства по одной-единственной причине: она не могла долго выдерживать «заурядных экземпляров», то есть парней, которые не принимали такой образ жизни и не понимали ее юмора. Девушка даже разработала весьма примитивный тест, на основании которого уже в первую ночь определяла, имеют ли начинавшиеся отношения хоть какую-нибудь перспективу. А тест заключался вот в чем: как только покоренный ею молодой человек засыпал и отворачивался к стенке, она начинала

яростно его тормошить. Когда же тот просыпался, Линда, не давая ему прийти в себя, наигранно грозным голосом спрашивала:

– Признавайся, где твои деньги?

Столь примитивный тест за все время успешно прошли лишь два человека, которые восприняли такой вопрос как шутку и расхохотались в ответ. С первым она прожила пять лет, а вот отношения со вторым, именно с Дэнни, продлились около года. Однако теперь Линда воспринимала те дни как целую вечность, поскольку они оказались самыми худшими в ее жизни.

Из этих воспоминаний к действительности Линду вернул голос брата, который, услышав про Дэнни, заявил:

– Малышка, разве я не обещал тебе, что мы позаботимся насчет этого типа?

Линда с удивлением обнаружила, что ходит по спальне по-прежнему голой и мокрой, оставляя на паркете следы влажных босых ног. Ей стало холодно, но сама мысль о том, что надо притронуться к сырому полотенцу, вызывала у нее отвращение.

«Да, ты так говорил, – мысленно ответила она брату, плотно прижимая телефон к уху. – Ты обещал отучить Дэнни от подобных штучек, но, может быть, на этот раз задачка оказалась тебе не по плечу?»

Однако вслух произносить что-либо подобное Линда не стала, поскольку это все равно ни к чему хорошему бы не

привело. Ведь у ее «большого» брата была одна слабость – он считал себя непобедимым. И не зря – одно только его появление обычно повергало противников в трепет и обращало в бегство. Да иначе и быть не могло! Можно только представить, что испытывали эти люди, увидев перед собой настоящую гору мышц ростом под два метра, да к тому же натренированную в уличных боях, которым Клеменс посвящал все свое свободное время.

От него так и веяло огромной физической силой. К тому же многочисленные стычки не могли не оставить характерных следов на его лице. Но больше всего противников повергала в ужас татуировка у него на лбу, изображавшая входное отверстие от пули пистолетной. Этот «шедевр» Клеменс нанес себе при помощи одного сотрудника кельнской тату-студии.

Конечно, находились, пусть и немногие, глупцы, которые все же отваживались противостоять этому громиле. За свою дерзость они расплачивались долгим пребыванием на больничной койке.

– Что вы сделали с Дэнни? – поинтересовалась Линда, стоя перед чемоданом со своими нехитрыми пожитками.

Она находилась на острове уже четырнадцать дней, но так и не удосужилась разобрать вещи и повесить одежду в шкаф. Схватив джинсы, Линда натянула их прямо на голое тело, потребовав при этом от своего брата:

– Скажи, Клеменс. Я имею право знать!

Линда была, пожалуй, единственным человеком на всем белом свете, кому позволялось безнаказанно называть этого атлета по имени. Все остальные, даже родители, обязаны были обращаться к нему по фамилии, поскольку он считал, что «Камински» звучало более мужественно. По его мнению, имя Клеменс, которое избрала для него мать, подходило разве что какому-нибудь педику, но никак не ему. То, что он вообще разговаривал со своими родителями, можно назвать настоящим чудом, особенно после того, как начал вести избранный им образ жизни, предав, по их мнению, все те идеалы, ради осуществления которых они горбатились всю свою жизнь.

– Тебе достаточно знать, что этот Дэнни больше с тобой ничего не сделает! – коротко бросил Клеменс.

– Ты так думаешь? Неужели вы сломали ему пальцы, которыми он настрочил мой некролог?

Сказав это, Линда невольно прикрыла глаза и постаралась отогнать от себя нахлынувшие на нее воспоминания. Однако они никак не хотели улетучиваться. Перед ее мысленным взором вновь возникла публикация в воскресной газете размером в половину страницы, обведенная черной траурной рамкой и со скромным крестом возле ее фамилии. При этом в качестве даты смерти Дэнни обозначил тот день, когда она разорвала с ним отношения.

– Вы выкололи ему глаза, которыми он пялился в объектив видеокамеры? – придя в ярость от нахлынувших на нее

видений, спросила Линда. – Те бесстыжие глаза, с которыми этот негодяй снимал меня тогда, когда я встречалась со своими подругами? Когда ходила в магазин за покупками? Когда спала?

Художница попыталась взять себя в руки, но это ни к чему не привело – она только распалилась еще больше:

– А может быть, вы отрубили его поганые руки, которыми он подмешивал кислоту в мой крем для кожи? После того как я пригрозила донести на него, если он не прекратит доносить меня своими приставаниями?

Выкрикивая это, Линда непроизвольно дотронулась до своего безобразного рубца на лбу.

– Нет, – услышала она бесстрастный голос брата. – Так легко этот идиот от нас не отделался.

– Он далеко не идиот! – бросила Линда.

И действительно, Дэнни Гааг отнюдь не был идиотом. Скорее наоборот. Хотя Даниэля и отличала вспыльчивость, его нельзя было назвать ни глупым, ни чересчур эмоциональным человеком, не умеющим контролировать свои поступки. Все, что он делал, совершалось им только после тщательного осмысления, взвешивания всех за и против и подробного планирования. Дэнни начинал действовать только тогда, когда был убежден, что это не причинит ему вреда. К тому же для него не являлось проблемой длительное время находиться в ожидании, когда можно будет нанести повторный удар, да так, чтобы не давать полиции повода в чем-нибудь

его заподозрить.

По мнению полиции, нападки, которым подвергалась Линда, были не типичны для одного преследователя, поскольку способы их осуществления не повторялись, и между ними имелись достаточно большие временные интервалы. Такое, на их «просвещенный» взгляд, было характерно для действий большого числа мужчин.

– Просто Линде не повезло с мужиками, – был их вердикт. – Возможно, это дело рук фанатичных читателей ее комиксов!

Полицейские просто не хотели принимать во внимание то обстоятельство, что именно к таким выводам их и подталкивал Дэнни, организуя свои провокации. К тому же он считался популярным автором с хорошим достатком, да и внешность его внушала доверие. В общем, его относили к числу людей, которым такие действия были просто ни к чему. Ведь он мог с легкостью выбрать себе любую девушку.

Именно такую оценку услышала Линда из уст одной служащей полиции, которая записывала ее показания. Из того, что сказала эта женщина-полицейский, выходило, будто бы художница вообще не достойна того, чтобы Дэнни к ней приставал. Вот и получалось, что Линда его просто оговаривала.

А ведь Клеменс, давая оценку действиям полиции, после того как выслушал жалобы своей сестры, так сразу и сказал:

– Их законы – просто курам на смех, а тюрьмы – настоящий детский сад. Нет, сестренка, такое дело следует брать в

свои руки!

После этого Клеменс отправил Линду на остров, чтобы во время ее отсутствия в Берлине «заботиться» о Дэнни.

– Ты же мне обещал, что здесь я буду в безопасности! – принялась упрекать брата Линда.

– Так и есть, малышка. Дом принадлежит моему приятелю Олли. Ты его знаешь! Это кремень! Скорее римский папа начнет раздавать презервативы, чем Олли откроет рот!

– А если меня кто-нибудь видел на пароме?

– Тогда этот кто-то навсегда лишится языка, прежде чем сказать что-либо твоему Дэнни, – в присущей ему грубой манере заявил Клеменс. – Ну как еще объяснить тебе, чтобы ты ничего не боялась?

Между тем зубы у Линды начали выбивать мелкую дрожь – перекошенные оконные рамы не могли сдерживать ураганные порывы ветра, в комнате сильно сквозило, и с каждой минутой художнице становилось все холоднее. Одной рукой надеть на себя пуловер она не могла, а прерывать разговор с братом хотя бы на секунду ей не хотелось. Поэтому, крепко прижимая телефон к уху, Линда подошла к кровати и откинула покрывало, намереваясь в него закутаться, чтобы согреться.

– Скажи, что мне нечего бояться, – потребовала испуганная женщина, присаживаясь на матрас.

– Я клянусь тебе в этом, – заявил Клеменс.

Но этого она уже не слышала – едва голова Линды косну-

лась подушки, как из ее груди вырвался истошный крик!

Глава 3

– Что там у тебя, черт подери, происходит? – раздался из телефона встревоженный голос брата.

Но Линда не ответила, а только резко вскочила с кровати, как будто укушенная неведомым чудовищем.

– Эй, ты где? Ответь же!

Однако Линде понадобилось некоторое время, чтобы взять себя в руки и немного успокоиться. На этот раз прикосновение к подушке вызвало у нее гораздо большее отвращение, чем прикосновение к сырому полотенцу. Теперь доказательства того, что в доме творится что-то неладное, были еще осязательнее.

– Кровать... – задыхаясь, выдавила из себя Линда.

– Проклятье! Что с ней?

– Я хотела прилечь.

– Да, и что?

– Она теплая! Пропади все пропадом! – не в силах сдержаться, завопила художница. – Клеменс! Ты понимаешь, что это значит?

Кто-то явно лежал на кровати!

Линда чуть было не разрыдалась и, чтобы взять себя в руки и не наговорить глупостей, прикусила себе язык:

– И этот запах! Это его запах!

Кровать пропахла лосьоном, которым пользовался Дэнни

после бритья!

– Хорошо! Хорошо! Я тебя понял! – начал успокаивать сестру Клеменс. – А теперь послушай! У тебя просто разыгралось воображение!

– Ничего подобного! Он был здесь!

И тут до Линды дошло, какую ошибку она совершает, сказав, что Дэнни «был» в доме – постель по-прежнему оставалась теплой, а запах отчетливо ощущался.

Нет, ее преследователь не «был», а «находился» в доме!

Охваченная подобными мыслями, Линда попятилась к двери, а затем стремглав бросилась по лестнице вниз, на первый этаж, где возле вешалки с одеждой начала натягивать на ноги резиновые сапоги.

– Что ты задумала? – спросил ее Клеменс, пытаясь по доносившимся до него звукам определить действия своей сестры, продолжавшей одеваться.

– Я смываюсь отсюда!

– Интересно, а куда?

– Не знаю! На улицу!

– Но там же бушует ураган!

– А мне по барабану!

С этими словами Линда сорвала с крюка зеленую ветровку, быстро натянула ее на себя и открыла входную дверь. Она в первый раз с момента своего появления на острове осмелилась переступить порог дома. Однако в тот день, когда она сюда приехала, на Гельголанде светило солнце, было светло

и не так холодно.

От резких порывов ветра глаза начали слезиться, а попытки застегнуть молнию на куртке одной рукой ни к чему не приводили. Все ее усилия оказывались напрасными. На какое-то мгновение Линда потеряла ориентацию в пространстве – из-за охватившего ее возбуждения она выбрала дверь черного хода, располагавшегося рядом с кухней, и теперь оказалась перед каменной оградой, за которой не на шутку разыгралось бушующее море.

– Пожалуйста, будь благоразумной! Подожди немного! – слышались из мобильного телефона возгласы Клеменса.

Но Линда уже не обращала внимания на слова брата. Она лишь помнила, что кратчайшим путем добраться до поселка можно было по тропинке, спускавшейся к морю в сторону южного порта.

– Я перезвоню, как только доберусь до людей... – пытаюсь перекричать завывания ветра, заявила Линда.

– Нет! Не отключайся! Да послушай же меня, черт подери! Между тем Линда добралась до тропинки и посмотрела на свинцовые тучи, нависшие над беснующимся морем. Однако здесь она чувствовала себя ничуть не лучше, чем в доме. Напротив, штормовой ветер только усилил растущее в ней чувство опасности.

Этой зимой снег на острове не выпал, но почва с травяным покровом основательно промерзла и покрылась ледяной коркой. Линда остановилась и, насмерть перепуганная,

все еще ощущая запах лосьона после бритья, затаив дыхание, стала смотреть сверху на море, которое, подобно разъяренному зверю с широко раскрытой пастью, кидалось на беззащитное побережье.

«Он здесь! Я чувствую это! Он здесь!» – пронеслось у нее в голове.

Тогда Линда обернулась и посмотрела на дом.

Никакого движения не наблюдалось. Мужчины в окнах дома она не увидела. Не было даже подобия тени и за занавесками. Горел только свет в ее мастерской на чердаке под крышей, который Линда второпях забыла выключить.

– Ты должен забрать меня отсюда обратно, Клеменс, – сказала она и сама почувствовала, насколько истерично прозвучал ее голос.

Произнеся это, Линда вновь повернулась к морю.

– Ты чокнулась, сестрица? – нервно бросил Клеменс. – Никто сейчас не сможет добраться до острова! Ни я, ни твой бывший дружок!

«Не называй его моим «дружком»!» – хотела было в ответ крикнуть Линда, но тут ее внимание привлек к себе какой-то большой темный предмет, выброшенный волнами к каменной стенке, защищавшей берег от морского прибоя.

До этого момента она действовала чисто рефлекторно, убегая от опасности, которую не видела, но тем не менее отчетливо ощущала. Теперь же у нее появилась цель, и Линда стремглав побежала по тропинке вниз. Вскоре она уже была

на берегу.

– Похоже, ты находишься в своеобразной аэродинамической трубе. Используй это и проветри свои мозги. Постарайся понять, что у тебя просто сдали нервы. Ты обязательно выберешься из этой ситуации, но при условии, что не будешь то и дело выскакивать на улицу.

Из-за усиливавшихся порывов ветра Линда почти не различала слов брата. Она стояла уже примерно в пятнадцати метрах от того места, где заканчивалась полоса прибоя, и долетавшие до нее брызги, попадая на лицо, ясно давали понять, каким может быть истинное влажное дыхание разъяренного моря.

– Я позже тебе перезвоню! – прокричала в мобильник Линда, стараясь перекрыть шум волн, с невероятным грохотом разбивавшихся о берег.

Между тем море разбушевалось не на шутку. Как будто рассердившись на весь мир, оно гнало на сушу огромные волны, увенчанные белыми шапками. Под злобное завывание ветра они с невероятной силой обрушивались на беззащитную сушу и старались отгрызть у нее кусок побольше, захватывая и катая, словно пушинки, достаточно крупные булыжники.

– Перезвони обязательно, а сейчас глотни свежего воздуха и постарайся поглубже дышать.

В ответ Линда только кивнула – брата она уже почти не слушала. Медленно, но неотвратимо, охваченная сильным

волнением, она приближалась к каменной стенке, не отводя глаз от громоздкого темного предмета, застрявшего в бетонных лапах волнореза.

– И поверь мне, этот негодяй больше не сможет причинить тебе вреда! Ты меня поняла? – вновь прорвался через шум прибоя голос Клеменса из мобильного.

– Он мертв! – воскликнула Линда.

– Давай не по телефону! – немедленно отреагировал Клеменс, услышавший ее голос, но не понявший, что сестра разговаривает вовсе не с ним.

Линда сделала шаг назад, сдерживая подступившую к горлу тошноту, и хотела было броситься прочь от этого страшного места, но вид открывшегося ей зрелища буквально сковал ее тело.

«Мне никогда не нарисовать такой прекрасной картины», – подумала она, совсем позабыв про мобильник, который выпал из ее рук.

Позднее Линде стало стыдно за посетившие ее в тот момент мысли, но первое, что пришло в голову художнице, когда она увидела искаженное гримасой лицо мертвеца, было понимание: ей никогда не удастся так великолепно изобразить на бумаге облик смерти, каковой она предстала перед ней в тот момент.

Потом Линда разрыдалась – возможно, сказался шок от пережитого, но, скорее всего, причиной тому явилось осознание, что труп, застрявший в волнорезе, Даниэлю Гаагу не

принадлежал! Это она поняла с первого взгляда.

Глава 4

День спустя. Берлин

«Сейчас мне точно морду набьют» – именно такая мысль возникла у Пауля Херцфельда.

Профессор замедлил шаг и подумал, не стоит ли ему перейти на другую сторону улицы. Всего несколько метров отделяли его от обнесенного лесами многоквартирного жилого дома и крытого перехода на тротуаре, защищавшего пешеходов возле стройки из соображений безопасности.

У входа в этот переход Пауля поджидала группа крепких мужчин. Их было четверо – один внушительнее другого. На лице одного из крепышей с кувалдой в руках играла улыбка, не предвещавшая ничего хорошего.

«Проклятье! – подумал Херцфельд. – Почему они вообще вышли сегодня на работу?»

Он никак не ожидал, что в такую погоду кто-либо отважится послать рабочих на строительные леса. Ведь даже в Антарктике были более уютные места, чем Берлин в феврале – мало солнца, зато так много снега, что складывалось впечатление, будто на строительных рынках закончились лопаты для его уборки. К тому же синоптики предсказывали настоящую бурю.

«Как могло произойти, что эти идиоты снова оказались на стройке? Да еще так рано?» – вновь удивился Пауль.

Солнце еще не взошло, как это часто бывало по утрам, когда Херцфельд спешил на работу. За те четыре года, в течение которых он работал ведущим судмедэкспертом Федерального ведомства уголовной полиции Германии, Херцфельд ни разу не появился в зале по вскрытию трупов позже времени начала работы. И все же необходимость столь раннего прихода на службу, несмотря на то что первое утреннее совещание проходило в половине восьмого, его сильно раздражало. Ведь теперь он был одинок и мог бы после развода с женой еще глубже окунуться в ночную жизнь Берлина.

«Как будто трупы не могут подождать!» – частенько думал он, выпивая на ходу свой утренний кофе, торопясь к метро.

В то же время ему было ясно, что ненормированную нагрузку, характерную для сотрудников Федерального ведомства уголовной полиции, могли выдержать только люди, привыкшие рано вставать. В тот день, например, Херцфельду предстояло вскрыть шесть трупов. Мир все больше захлестывало насилие. Чтобы убедиться в этом, не стоило становиться руководителем спецподразделения «экстремальных преступлений», специального отдела, который привлекался для судебно-медицинских экспертиз особо жестоких убийств. Достаточно было бросить беглый взгляд на газету.

«Сегодня у меня были хорошие шансы заполучить свой собственный секционный стол», – подумал профессор, приближаясь к рабочим.

Он почувствовал, как напряглись его икроножные мышцы, и чуть было не споткнулся. Нервно сжал руку в кулак в кармане пальто, и боль в костяшках пальцев напомнила ему о случившейся накануне неконтролируемой вспышке гнева. Он до сих пор не мог понять, как такое вообще могло с ним произойти. Ведь обычно его отличало самообладание, просто необходимое для людей его профессии. Хладнокровие следовало сохранять даже в том случае, если приходилось сталкиваться с самыми жестокими преступлениями. И это качество Херцфельд старался в себе поддерживать. По крайней мере, до вчерашнего дня.

Это произошло по дороге домой после обычного трудового дня – все утро профессор провел за секционным столом, а после обеда корпел уже за столом письменным, заполняя различные бумажки и соблюдая неизбежные формальности, связанные с вскрытием трупов.

По пути домой из головы Пауля никак не выходил случай, произошедший с трехмесячным младенцем. Еще в утреннюю смену с хирургической точностью он со своими ассистентами удалил ему глаза, чтобы, исследуя кровоизлияние в сетчатку, доказать, что малыш умер от сотрясения мозга.

Ход мыслей судмедэксперта неожиданно прервала внезапно появившаяся щенная собака, которая пробежала у его ног, волоча за собой поводок. Судя по всему, эта собака отвязалась от стойки для велосипедов, установленной возле магазина напротив, и теперь металась в поисках своего хозяи-

на. Тогда Херцфельд решил не допустить, чтобы она вновь пересекла оживленную дорогу, рискуя оказаться под колесами автомобиля. Присев на корточки, он стал подманивать собаку.

– Иди ко мне, малышка! – восклицал Пауль.

Вначале казалось, что это ему удалось, – собачонка остановилась возле пешеходного перехода. На фоне легкой измороси ее черная шерсть отчетливо блестела. Испуганно моргая, она почесалась. Однако, как только Херцфельд стал спокойным голосом подзывать ее к себе, хвост животного перестал висеть как замороженный и трусливо зажатый между ее задних лап – он завилял.

– Не бойся. Или ко мне, моя хорошая, – продолжал звать к себе собаку Херцфельд.

Собака поглядела на судмедэксперта и вроде бы стала проникаться к нему доверием. Но тут появился *он* – рабочий.

Этот мужик возник словно ниоткуда, такой же высокий и худощавый, как и Херцфельд. Однако та легкость, с какой рабочий нес тяжелый ящик с инструментами, говорила о том, что этот человек по своей силе явно «играл в другой лиге».

– Пшел отсюда! – воскликнул мужчина и грязно выругался.

Как выяснил позже Херцфельд, этот неотесанный мужлан работал на стройке кровельщиком и имел прозвище Рокко³.

³ Рокко – в переводе с итальянского означает шахматную фигуру «тура» или

Вначале Пауль подумал, что грубость адресована ему, но затем произошло нечто такое, что не поддается никакому объяснению – работяга со всей силы ударил беременную суку по животу тяжелым, подбитым железными скобами сапогом.

Собака взвыла, и ее вой был одновременно невыносимо громким и предельно обиженным. От этого душераздирающего вопля у Херцфельда в мозгу что-то щелкнуло, как будто переключился выключатель, встав на отметку «слепая ярость». В то же мгновение разум перестал управлять его отнюдь не тренированным телом сорокатрехлетнего человека, и профессор стал походить на настоящего зомби. Не отдавая отчета своим поступкам и не думая о возможных последствиях, он начал действовать так, словно им управлял кто-то другой.

– Эй, ты, трусливый недоносок! – услышал Херцфельд свой собственный яростный голос.

Это произошло как раз в тот самый момент, когда работяга намеревался вторично ударить ногой загнанную в угол собаку.

– Чего? – Рокко повернулся и посмотрел на профессора так, как будто перед ним стояло ведро с помоями. – Что ты там вякнул, педрилло?

Мужчин отделял друг от друга всего лишь маленький шажок. В руках кровельщика ящик с тяжелыми инструментами

смотрелся как пустая картонная коробка из-под ботинок.

– Какое из произнесенных мною слов ты не понял? – задал вопрос Пауль. – Трусливый или недоносок?

– погоди! Я выверну тебе все кишки так, что ты говном изойдешь! – Рокко хотел было добавить что-то еще, но стал захлебываться от злости и глотать слова так, что собравшейся толпе зевак разобрать их было просто невозможно.

Херцфельд использовал элемент внезапности – словно распрямившаяся пружина, он бросился вперед и нанес головой сильнейший удар по квадратному лицу мучителя животных.

Послышался хруст, и кровь потоком хлынула из носа рабочего. Однако Рокко не издал ни звука – он был ошеломлен от такой наглости. Между тем собачонка, которая по счастливой случайности вроде бы не получила серьезных травм, осторожно выбралась из опасной зоны и подбежала к своему вновь появившемуся владельцу. Он стоял среди других зевак и наблюдал за неравным боем между щедушным профессором и мускулистым Голиафом.

Пауль защищался как умел и отразил пару тычков, но, получив тяжелейший удар в грудь, зашатался. Казалось, что с ним покончено. Однако везение взяло верх над правом сильного – работяга наступил на обледенелую плитку, поскользнулся и грохнулся на тротуар, ударившись затылком. Но он не отключился и попытался подняться с намерением отколотить своего противника, представляя при этом достаточно

легкую мишень для зимних ботинок Херцфельда.

Судмедэксперт наносил Рокко удар за ударом, попадая то в голову, то в живот, то в грудь и опрокидывая его на спину. Когда же громила все же смог найти точку опоры и вновь приподняться, то профессор со всей силы ударил его кулаком в лицо. Пауль продолжал бить работягу до тех пор, пока тот не потерял сознание.

Позже Херцфельд узнал у полицейского, бравшего с него показания, что Рокко чуть было не получил тяжелую черепно-мозговую травму и, по оценке врачей, в течение целого месяца будет прикован к больничной койке, принимая одну только жидкую пищу. Сам же профессор отделался опухолью кисти руки, которая, естественно, пройдет гораздо быстрее. Тем не менее Пауль понимал, что потребуется время, прежде чем он вновь сможет безболезненно делать надрезы своими поврежденными пальцами.

Однако после выхода из полицейского участка об этом Херцфельд старался не думать. Его мало беспокоило и то, что начальство вряд ли обрадуется, узнав, что руководитель отдела криминальной полиции, в отношении которого возбуждается уголовное дело, оказался в одном ряду с правонарушителями.

Именно поэтому профессора вызывали после обеда в отдел кадров. Но сейчас Херцфельд был озабочен гораздо большей проблемой, надвигавшейся на него, чем перспективой предстоящего возможного увольнения.

Приблизившись к рабочим, преградившим ему дорогу, он узнал в них коллег того самого работяги, которого накануне отлупил так, что тот попал на больничную койку.

– В чем дело? – глубоко вздохнув, спросил профессор.

Сердце у него бешено забилося, а ворот рубашки неожиданно стал давить на шею. Херцфельд почувствовал, как адреналин стал распространяться по его жилам, но не настолько, чтобы мобилизовать все внутренние силы, как накануне. На этот раз он не смог бы противостоять даже одному из этих силачей, а о том, чтобы отбиваться от всех четверых сразу, вообще не могло быть и речи.

– У Рокко сильные боли, – вместо приветствия произнес самый низкорослый из рабочих, в руках у которого была кувалда.

Это был жилистый человек с рябым лицом и начисто обритой головой.

– И что?

– А то, что ему совсем хреново.

– Ничего, это пройдет, – бросил Херцфельд и хотел было протиснуться через шеренгу рабочих.

Однако бритоголовый грубо ткнул его в грудь рукой и произнес:

– Не так быстро, профессор.

При этом он посмотрел на своих ухмылявшихся коллег, явно ища их одобрения.

«Профессор? Проклятье! Они знают, кто я!» – вихрем за-

кружились мысли в голове у Херцфельда.

Но тут один из здоровяков, который явно был у них за главного, под одобрительные кивки и ухмылки остальных работяг заявил:

– Мы только хотим кое-что вручить вам.

Херцфельд приподнял плечи, напряг мышцы живота и внутренне приготовился к первому удару. Однако, к его величайшему изумлению, верзила сунул ему в руку кувалду. Только тогда профессор увидел, что к рукоятке грозного инструмента был прикреплен синий подарочный бант.

– В следующий раз, когда вознамеритесь проломить засранцу череп, возьмите кувалду с собой. Договорились?

Рабочие громко рассмеялись, затем расступились, пропуская профессора, и, сняв свои рабочие рукавицы, принялись хлопать в ладоши. Проходя мимо них с несколько растерянной улыбкой на лице, Херцфельд ощущал, как бешено бьется у него сердце. А вслед ему раздавались выкрики:

– Браво!

– Отличная работа!

– Наконец-то кто-то смог проучить этого Рокко!

От такого неожиданного поворота дела Херцфельд забыл поблагодарить рабочих за подарок и вспомнил об этом только тогда, когда вошел в прозекторскую – помещение, где вскрывали трупы.

Ему предстояло разобраться с самым сложным и страшным случаем в своей практике.

Глава 5

– Убита женщина европейской внешности, – привычно наговаривал Херцфельд на диктофон. – Судя по состоянию внутренних органов, ее возраст можно определить между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами. Основываясь на температуре в прямой кишке, которая примерно соответствует температуре окружающей среды места обнаружения трупа, а также на проявлениях трупной окоченелости и трупных пятен, можно утверждать, что смерть наступила не более сорока восьми и не менее тридцати шести часов назад.

Нижняя челюсть трупа была удалена из суставов все той же грубой пилой, при помощи которой преступник отделил и верхнюю. Произошло ли это до или уже после смерти, профессор мог определить, только исследовав трахею и легкие убитой.

В обычной жизни Пауль разговаривал басом и обладал столь громким голосом, что мог легко разбудить уснувшего в аудитории уставшего студента. Однако при работе в прозекторской он развил привычку говорить тихо. Им двигало чувство уважения к мертвым, а также желание облегчить работу секретарш, которые позже составляли протоколы вскрытия. Ведь чем громче звучал голос в его подвальном помещении, тем сильнее было эхо, отражавшееся от отделанных кафелем стен. А это заметно затрудняло расшифровку аудиозаписей.

– Обе ветви, включая угол нижней челюсти, были очищены от эпителиальной и жировой подкожной ткани... – В этом месте профессор на короткое время умолк и вновь наклонился над трупом, лежащим на секционном столе.

Затем он выпрямился и продолжил диктовать отчет для прокуратуры:

– Голосовые связки хорошо просматриваются. Кожа над подбородком и дном полости рта дряблая и покрыта морщинами. Внутренних кровоизлияний в жировой подкожной ткани и на обнаженных мышцах полости рта не наблюдается. Кровоподтеков в мягких тканях в области угла нижней челюсти также не отмечено.

Жестоко обезображенный женский труп был обнаружен одним бездомным в большой картонной коробке на заброшенной территории зоны отдыха парка Шпревальда⁴, когда этот бедолага собирался устроиться там на ночлег.

– Ей кто-то решил выпустить весь воздух из головы, – сказал полицейским бродяга.

И такая его оценка оказалась на удивление точной. Лицо убитой напоминало Херцфельду сморщенную маску – из-за отсутствия челюсти оно стало походить на сдувшийся воздушный шар.

– Здесь коробка, в которой ее нашли? – спросил он своих коллег.

⁴ Шпревальд – заповедная местность в земле Бранденбург, расположенная в 100 километрах юго-восточнее Берлина.

– Нет, она еще в научно-экспертном отделе. Там продолжают снимать с нее отпечатки пальцев.

Херцфельд открыл ротовую полость трупа, чтобы обследовать, нет ли там каких-либо посторонних предметов. Это легкое движение заставило его вздрогнуть от боли в пальцах. Однако она оказалась не столь сильной, чтобы помешать его работе, чего он уже начал опасаться.

«Пальцы двигаются, а боль можно и перетерпеть», – подумал профессор.

– Фу-у... Мать честная! – Херцфельд наморщил нос под медицинской маской.

Убитую достали из холодильной камеры всего несколько минут назад, но воздух в подвальном помещении уже успел наполниться сладковатым запахом начавшегося трупного разложения. А иного при температуре двадцать четыре градуса в прозекторской ожидать не приходилось. Воздух в подвале опять оказался перегретым – эксплуатационное управление никак не хотело понять, насколько сильно отличается работа в обычных офисах на верхних этажах от специфики труда здесь, в подвале Трептоверса – колоритного комплекса высотных зданий в Трептове, раскинувшегося прямо на берегу реки Шпрее. Как только температура на улице начинала падать, во всем здании Федерального ведомства уголовной полиции начинали громыхать нагревательные агрегаты, работавшие на полную мощность. А это неизбежно сказывалось на функционировании кондиционера в

зале по вскрытию трупов и приводило к прекращению его работы.

– Обе руки в области перехода нижнего края локтевой и лучевой костей в кости запястья отделены. Края раны острые, – продолжил диктовать Херцфельд.

– Необычно профессионально, – прокомментировал доктор Шерц результаты внешнего осмотра трупа.

Сам того не замечая, этот врач-ассистент, стоявший сейчас рядом с профессором, высказал то, о чем постоянно думал и сам Херцфельд: «Тот, кто убил эту женщину, не был глупцом и точно знал, что делает».

Многие преступники, насмотревшись детективных и голливудских фильмов, почему-то считают, что достаточно вырвать у жертвы все зубы, чтобы полностью исключить идентификацию трупа. Да иначе и быть не может, ведь по всем телевизионным каналам с утра до вечера крутят бесконечные сериалы о маньяках и убийцах, легко уходящих от полицейского преследования.

И только немногие знают, что подобные действия лишь затрудняют зубоврачебную идентификацию, но никак не делают ее невозможной. А вот полное удаление верхней и нижней челюстей, а также кистей обеих рук выдавало почерк настоящего профессионала.

– Да, пока не забыл, – неожиданно проговорил Шерц, растянув в хитровой улыбке толстые губы. – Мне следует тебя предупредить, что новенькая сотрудница является твоей

страстной поклонницей.

В ответ Херцфельд лишь зло прищурился – ему уже давно надоели постоянные шутки коллег по поводу его внешности. Дело заключалось в том, что он, к своему великому сожалению, как две капли воды походил на известного актера. У него было такое же немного угловатое, но в то же время четко очерченное лицо, большие темные глаза под высоким лбом, изборожденным морщинами от многих раздумий, слегка вьющиеся волосы, которые некогда были черными, как смола, а теперь все больше прорезались седыми прядями, придавая его облику особый колорит. В общем, схожесть с актером была настолько поразительной, что Пауль сам как-то раз едва не потерял дар речи, случайно увидев фото телезвезды в иллюстрированном журнале.

У него была такая же стройная фигура, такие же слегка опущенные плечи, такая же широкая улыбка и даже рост, указанный в Википедии, составлявший метр восемьдесят при таких же семидесяти девяти килограммах веса. Когда Херцфельд узнал все это, он перестал удивляться, почему совершенно незнакомые люди постоянно просили его об автографе.

Как-то раз, чтобы отделаться от назойливой фанатки, он даже начертил требуемую надпись в поэтическом альбоме этой дамы. Надо сказать, что Пауль тогда едва сдержался, чтобы не расхохотаться, глядя, как та с благоговением взирала на предмет своего поклонения.

Однако когда в эфир вышел телесериал про врачей с его двойником в главной роли, это был уже явный перебор. Надо же было такому случиться, что актер играл именно чудаковатого патологоанатома доктора Штарка, который при проведении вскрытия трупа включал на полную громкость рок-музыку, постоянно сыпал непристойными шутками, а также отправлял посыльного за пиццей, стоя за секционным столом. И хотя в этом сериале все было высосано из пальца, он пользовался невероятной популярностью. А если так, то и Херцфельд решил для себя, что в будущем ему стоит чаще давать фальшивые автографы. Теперь такая возможность ему предоставлялась.

– А каковы результаты компьютерной томографии? – поинтересовалась доктор Сабина Яо, стоявшая за секционным столом напротив профессора.

Сабина Яо была немкой с китайскими корнями и наряду с доктором Шерцем была третьим врачом в команде Херцфельда, несшей дежурство на той неделе. Больше всего профессор любил делать вскрытия вместе с ней. Она не стремилась выделяться, и все в ней было в меру: тонкие изогнутые брови, аккуратные ногти, покрытые бесцветным лаком, звонкий голос и скромные жемчужные украшения в ушах. Он ценил ее спокойную и благоразумную манеру поведения, умение продумывать все на шаг вперед. Вот и в тот день Сабина Яо не стала дожидаться особого указания. Она заранее включила компьютерную томографию и теперь подвиг

нула поворотный кронштейн с плоским экраном монитора так, чтобы профессор мог видеть его, не прекращая вскрытия грудной клетки.

– Видишь посторонний предмет? – уточнила Яо, стоявшая возле секционного стола на небольшой подставке из-за своего маленького роста, едва достигавшего метра шестидесяти.

Херцфельд кивнул. Предмет внутри черепа, скорее всего, был выполнен из железа, стали, алюминия или другого рентгеноконтрастного материала. Иначе на экране компьютерного томографа он не просматривался бы столь отчетливо. Предмет имел форму цилиндра и был не больше арахиса, возможно представляя собой пулю, что указывало бы в этом случае на причину смерти.

«Выстрел в голову, – подумал профессор. – Причем уже не первый на этой неделе».

В это время Шерц вынул сердце, уверенными разрезами удалил легкие из грудной клетки и положил их на стол для органов, стоявший возле секционного стола там, где кончались ноги покойницы.

– Аспирации крови не наблюдается, – установил Херцфельд, вырезав бронхи. – Ее нет ни в трахее, ни в легких. – После этого он кивнул коллегам: – Все ясно. Посмертное расчленение трупа.

Женщину изувечили уже после того, как наступила смерть. Если бы ее челюсть была выпилена из живого тела,

то в глотке и гортани неизбежно оказалась бы кровь, затянутая туда при вдохе. Что ж, хотя бы от этих мучений жертва была избавлена.

В ответ, подтверждая, что информацию принял, Шерц безразлично пробурчал что-то себе под нос – ежедневное общение со смертью притупило чувства врача-ассистента. Однако Херцфельду обычно удавалось переключить его мысли на работу и вывести ассистента из своего рода транса, сравнимого с состоянием водителя, который на знакомом маршруте управляет автомобилем автоматически.

Сам же профессор старался сосредотачиваться только на трупе, вскрытие которого он проводил, оставляя все чувства и эмоции в стороне. Пауль избегал каких-либо контактов с членами семьи покойных как до, так и после вскрытия, чтобы не подвергаться их эмоциональному воздействию. Это помогало ему сохранять ясность мышления при сборе неопровержимых судебных доказательств.

Профессор никогда не делал исключений из правил, установленных им самим раз и навсегда. В частности, на последней неделе несчастные родители зверски убитой одиннадцатилетней девочки, вскрытие которой он проводил, попросили разрешения переговорить с ним, но Херцфельд, как всегда, ответил отказом.

Ведь образ плачущей матери мог побудить его к целенаправленному и даже предвзятому поиску улик, которые способствовали бы осуждению предполагаемого убийцы, а это

могло привести к непоправимой ошибке. Также могло случиться и такое, что собранные профессором под влиянием эмоций доказательства вообще привели бы к оправдательному приговору. Исходя из таких соображений, Херцфельд и старался, насколько это было возможно, подавлять в себе любые чувства во время работы. Тем не менее он испытал облегчение, когда установил, что тело несчастной жертвы, лежавшей сейчас на его столе, было расчленено уже после смерти.

– Теперь приступим к исследованию содержания желудка, – ровным тоном произнес Херцфельд.

В это время раздвижная дверь в прозекторскую с шумом открылась.

– Прошу простить за опоздание, – послышался чей-то голос.

Профессор и его коллеги с удивлением повернулись в сторону входа и изучающе поглядели на вломившегося в помещение высокого молодого человека, спешившего к ним семимильными шагами. На нем был такой же, как и у остальных патологоанатомов, синий рабочий халат. Однако создавалось впечатление, что он ему несколько маловат.

– А вы, собственно, кто? – обратился к молодому человеку Херцфельд.

Тот направлялся напрямик к профессору и с каждым шагом казался все моложе. На первый взгляд незнакомцу можно было дать лет двадцать пять, но когда он подошел совсем

близко, стал выглядеть всего лишь на двадцать. Своими тонкими, зачесанными назад светлыми волосами, круглыми очками, висевшими на кончике носа, и дерзко выступавшим подбородком он напоминал зубрилу из числа студентов первого семестра, которые всегда занимали на лекциях профессора места в первом ряду, стараясь постоянно быть у него на глазах в надежде получить более высокую оценку на экзамене.

– Ингольф фон Аппен, – представился молодой человек и с самым серьезным видом протянул профессору руку для приветствия.

– Хорошая идея, – отозвался Херцфельд.

Произнеся это, он выдернул свою руку из вскрытой нижней части живота трупа и схватил испачканными кровью резиновыми перчатками протянутую руку. Его опухшие от полученной накануне травмы пальцы пронзила резкая боль, но удовольствие от преподанного нахалу урока того стоило.

На несколько секунд юноша растерялся и изменился в лице, но затем сделал хорошую мину при плохой игре, дружелюбно улыбнулся и произнес всего лишь одну фразу, которая ясно дала понять Херцфельду, что профессор сделал большую ошибку, выставив его недоумком перед своими коллегами.

Глава 6

– Рад с вами познакомиться, господин профессор, и большое спасибо, что вы откликнулись на просьбу моего отца, – заявил молодой человек.

«Фон Аппен! Чтоб меня черти взяли! – ужаснулся тому, что натворил, Херцфельд. – И как я мог не обратить внимание на такую фамилию?»

Только сейчас профессор вспомнил, что в начале этой недели президент Федерального ведомства уголовной полиции лично просил его ради всех святых максимально предупредительно отнестись к сыну сенатора по внутренним делам и оказать ему самый теплый прием. За последними событиями он совсем забыл об этом, и вот теперь в самом начале практики сына сенатора Херцфельд выставил молодого человека в весьма нелепом свете!

Пока профессор думал, не усугубит ли он и без того конфузную ситуацию, если подаст юноше платок, Ингольф фон Аппен уже вытер руку о край халата и в радостном ожидании поправил сползшие было очки в никелевой оправе.

– Дамы и господа! Прошу не беспокоиться на мой счет и продолжать вашу работу, – нараспев произнес он тем самым гнусавым голосом, который, похоже, прививали отпрыскам богатых родителей еще в частном детском саду.

Согласно сообщениям прессы, отец Ингольфа, прежде

чем стать сенатором по внутренним делам, возглавлял фирму по производству охранных сигнализаций и заработал на этом деле миллионы еще до того, как, заняв столь высокий пост, начал использовать возможности своего ведомства по дальнейшему запугиванию простых граждан (способствуя тем самым развитию своего бизнеса).

Херцфельд презирал нуворишей-политиков, но еще больше не по душе ему были их дети, привыкшие, ничего не делая, почивать на лаврах, используя деньги и положение своих родителей.

Сам же Херцфельд, еще будучи семнадцатилетним подростком, бежал в Западный Берлин, перебравшись через стену, служившую границей ГДР. Такому поступку не в последнюю очередь способствовали его взаимоотношения с отцом, от которого он был готов убежать хоть на край света. Ведь отец его служил офицером государственной безопасности и, четко следуя партийным установкам, делал максимум возможного для укрепления всего того, что Пауль Херцфельд в той социалистической системе ненавидел.

Каково же было его разочарование, когда он понял, что и при демократическом строе все завит от того, какой партийный билет находится у человека в кармане, а иначе говоря, от того, какие связи он имеет. Обычные смертные, у которых не было отца – сенатора по внутренним делам, о работе в специальном подразделении Федерального ведомства уголовной полиции не могли даже и мечтать.

«Ну что ж, по крайней мере, он не упал в обморок», – подумал Херцфельд и продолжил свою работу.

– В желудке обнаружено сто сорок миллилитров серовато-белого кашеобразного вещества, напоминающего молоко, с кислым запахом, – стал наговаривать Пауль на диктофон, который теперь держала Яо.

– Странно, – внезапно раздался голос сына сенатора по внутренним делам, стоявшего сзади Херцфельда.

– Что странно? – уточнил профессор.

– Здесь не слышно никакой музыки.

Херцфельд чуть было не взорвался, но вовремя взял себя в руки и подумал: «Сегодня это уже второй поклонник доктора Штарка. Ну и повезло же мне с практикантом».

Однако вслух он произнес:

– Да, здесь музыка не играет. Это не кино!

А причина таких странных для морга вопросов крылась все в том же телесериале. Его создатели додумались до совершенно абсурдной идеи, заставив патологоанатомов в последней серии слушать во время работы музыку популярной британской рок-группы «Депеш моде». Сам Херцфельд, конечно же, в раздражении переключил канал своего телевизора, но для других телезрителей изображение человека, похожего на него как две капли воды, на экране оставалось.

«Надо проанализировать содержимое желудка. – Профессор вновь сконцентрировался на главном. – Не забыть также и про эти крошечные элементы в начальной части двенадца-

типерстной кишки. А теперь более детально обследуем голову».

– А что случилось с этой женщиной? – поинтересовался Ингольф и, сделав шаг вперед, с интересом склонился над трупом.

Херцфельд понял, что может произойти нечто нехорошее, и хотел предупредить стажера, но было уже слишком поздно. Модные очки Ингольфа фон Аппена, которые висели у него на носу, соскользнули и упали прямо в раскрытую грудную клетку трупа.

– О! Прошу прощения! Мне так жаль! – оправдываясь в своей неловкости, воскликнул Ингольф.

Шерц, Яо и Херцфельд сначала растерянно переглянулись, а потом чуть было не расхохотались, наблюдая, как несчастный простофиля пытается выловить свои очки из трупа. В конце концов Херцфельд не выдержал и достал их при помощи пинцета. Протянув очки юноше, профессор вынужден был снова отвернуться, чтобы не лопнуть со смеху, поскольку Ингольф снова нацепил очки на нос, второпях протерев полый халата лишь стекла, да и то небрежно. В результате они стали напоминать прикольный атрибут, какой обычно надевают на Хеллоуин.

– Мне действительно очень жаль, – подавленно извинился Ингольф фон Аппен.

– Не беда. Но впредь лучше держитесь немного подальше.

– Я только хотел помочь.

– Помочь? – машинально переспросил Херцфельд, который как раз взял в руки долото, чтобы вскрыть череп. Затем он посмотрел на Ингольфа и, скрывая улыбку под медицинской маской, серьезным голосом произнес: – Хорошо. Тогда принесите мне прибор для кардиоверсии⁵.

– Кардио... что?

– Сейчас у меня нет времени объяснять. Просто поезжайте на лифте на второй этаж и найдите там главного врача доктора Штрома. Он сразу сообразит, что я имею в виду.

– Прибор для кардиоверсии? – уточнил Ингольф.

– Да, но только быстро. И не забудьте сказать ему, что прибор нужен для трупа здесь в морге и что счет идет на секунды.

Не успела за Ингольфом закрыться дверь, как коллеги Херцфельда буквально затряслись от хохота.

– Ты ведь знаешь, что это может иметь последствия, – немного успокоившись после первого взрыва смеха, но не в силах остановиться, хихикнула Яо.

В такой ситуации обычно воздерживавшийся от участия в подобных розыгрышах врач-ассистент, представив, как через несколько минут практикант начнет просить дефибрилятор, то есть прибор, предназначенный для оживления, для женщины, которая была мертва как минимум два дня, вновь громко расхохотался.

⁵ Кардиоверсия – метод восстановления нормального ритма сердца при тахикардии. Проводится путем кардиостимуляции электрошоком.

– Речь идет о секундах, – давясь от смеха, процитировал Шерц профессора. – Хотел бы я видеть лицо доктора Штрёма!

В обычных условиях работа патологоанатомов, конечно, не давала повода для смеха. Но кто же мог предположить, что в бригаде врачей появится недоумок-практикант?

– Посмеялись – и хватит, – сказал Херцфельд, призывая коллег продолжить исследование трупа. – Воспользуемся временем, пока этот увалень не вернулся. Поработаем в спокойной обстановке.

С этими словами Херцфельд повернул голову умершей таким образом, чтобы в открытой полости рта можно было видеть небольшой зазор, находившийся непосредственно у края отломанной кости отсутствующей верхней челюсти. Затем, взяв в руки долото, он увеличил отверстие и при помощи пинцета достал из основания черепа небольшой инородный предмет, обнаруженный на рентгеновских снимках.

– Нет, это не пуля. Выглядит как металлическая капсула, – с удивлением пробормотала Яо.

Да! Это была не пуля!

Херцфельд при помощи лупы принялся изучать овальный, окрашенный в зеленый цвет цилиндр и обнаружил желобок, словно экватор разделявший капсулу по центру на две части.

«Похоже, что эту штуку можно открыть», – подумал он. При помощи плоскогубцев и пинцета ему удалось развин-

тить цилиндр. Внутри обнаружился крошечный клочок бумаги размером не больше половины ногтя человеческого мизинца.

– Вам помощь нужна? – поинтересовалась Яо, наблюдая, как профессор осторожно разглаживает находку.

Тем временем Херцфельд положил листочек под микроскоп.

– Продолжайте исследование области живота. С этим я и один справлюсь, – ответил он, наводя резкость в окулярах.

На первый взгляд нанесенные на бумагу значки выглядели как мелкие соринки. Однако после поворота предмета на сто восемьдесят градусов стали различаться нанесенные на него цифры, которые походили на номер мобильного телефона. Херцфельд хотел уже было поделиться со своими коллегами странной находкой, как вдруг обнаружил под цифрами несколько маленьких букв.

Пульс у профессора мгновенно участился, на лбу выступили капельки пота, а во рту пересохло. В мозгу же Херцфельда забилась одна-единственная мысль: «Пусть это окажется всего лишь совпадением!»

Ведь буквы в записке, которую он только что извлек из изувеченного трупа, сложились в имя Ханна.

То было имя его семнадцатилетней дочери!

Глава 7

Херцфельд не мог припомнить, когда в последний раз у него так сильно дрожали пальцы. Три раза он даже ошибся в наборе цифр на своем мобильнике, а потом вообще чуть было не выронил телефон из рук. Все его внимание было сосредоточено на поисках ответа на вопросы: «Что бы это значило? Кто внедрил записку в голову женского трупа?»

Все это происходило в кабинке мужского туалета в конце служебного коридора, где профессор закрылся от посторонних глаз. Ему следовало поторопиться, так как он оставил своих коллег возле секционного стола, сказав, что ему надо отлучиться на пару минут. Те, конечно, удивились тому, что Херцфельд нарушает им же самим установленные правила не выходить из помещения во время проведения вскрытия, но промолчали.

Наконец соединение было установлено.

Надо отметить, что благодаря многочисленным усилителям мобильная связь во всем здании, включая подвалы и лифты, обычно была безупречной. Обычно, но только не на этот раз!

Он набирал номер четыре раза, но связь постоянно с треском обрывалась.

«Черт! Откуда взялись эти помехи?» – удивился профессор.

Затем ему все же ответили.

– Алло, алло! – проговорил в телефон Херцфельд.

Однако в мобильнике сначала послышался голос не живого человека, а автоответчика, сработавшего с каким-то непонятным звуком. И это была не обычная в таких случаях запись, а приветствие, обращенное именно к нему, что внушило профессору еще большую тревогу, чем те обстоятельства, которые побудили его позвонить по найденному незнакомому номеру.

Почему-то он был уверен, что свяжется по нему со своей дочерью, ведь тело было так жестоко изуродовано намеренно, и складывалось ощущение, что преступник явно рассчитывал на то, что вскрытие будет проводить именно Херцфельд. Видимо, злоумышленнику было известно, что при таком жестоком и необычном убийстве к судебно-медицинской экспертизе будет обязательно привлечен руководитель берлинского спецподразделения «экстремальных преступлений».

Внезапно в мобильнике послышался до боли знакомый голос его дочери:

– Алло! Папа?

Несмотря на то что Херцфельд со страхом в душе предполагал именно это, подтверждение догадки все же повергло его в шок.

Голос дочери профессора был настолько четким, как будто она стояла рядом с ним. И все же он звучал так, словно

она разговаривала с отцом из какого-то другого, бесконечно далекого и темного мира:

– Пожалуйста, помоги мне!

«Боже! Что происходит? Почему я разговариваю с автоответчиком, запись на котором предназначена только для меня?» – подумал Херцфельд.

Голос Ханны постепенно начал хрипеть и звучать все более устало. Складывалось впечатление, будто она только что поднялась по лестнице и сильно запыхалась. И все же он отличался от того, каким она говорила тогда, когда ей не хватало воздуха.

В нем было больше обиды и отчаяния.

У Ханны была астма, но при нормальных обстоятельствах случавшиеся у нее регулярные приступы не создавали проблем. Прописанный ей спрей для ингаляций снимал осложнения в течение нескольких секунд и позволял вести почти нормальный образ жизни – она занималась спортом и делала все то, что любят молодые люди.

Опасность возникала только тогда, когда при ней не оказывалось сальбутамола. Три года назад она забыла у подруги свою куртку со спреем в кармане и едва не задохнулась в метро. Хорошо, что на помощь ей пришел пассажир, тоже страдавший астмой, у которого спрей был с собой. Насколько Херцфельду было известно, этот инцидент являлся последним серьезным проявлением ее приступов, однако он мог ошибаться, так как после развода его бывшая супруга

делала все, чтобы свести контакты между отцом и дочерью к минимуму. Вместе с тем на последнее Рождество она отправила к нему их дочь, чтобы без помех отпраздновать его вместе со своим новым приятелем.

Ханна сильно страдала от разлуки и при каждой встрече ясно давала понять, что возлагает ответственность за разрыв отношений между родителями только на него, забывая о том, что изменила отцу именно ее мать – Петра. Редкие беседы между отцом и дочерью практически не выходили за рамки пустой болтовни. Херцфельд даже не знал, была ли она в кого-нибудь влюблена, получила ли водительские права и как у нее обстоят дела в школе.

Хуже всего было то, что он вот уже несколько недель не общался с дочерью, а теперь услышал ее голос с призывом о помощи, да и то лишь потому, что получил записку, найденную в голове жестоко изувеченного трупа. Однако произнесенные ею слова оказались еще ужаснее:

– Я боюсь умереть, папа!

Страх смерти никак не соответствовал образу дочери, который Херцфельд хранил в своем сердце. Ей больше подходили такие определения, как дикая, неукротимая и жизнелюбивая. Она всегда была настроена очень решительно и не собиралась поддаваться воле судьбы – заниматься марафоном Ханна со своей астмой стала не случайно.

От отца она унаследовала живые темные глаза и заразительный смех, а от матери – густые светлые и вьющиеся во-

лосы. А вот упрямство Ханна с лихвой заимствовала у обоих родителей...

– Я знаю, что он убьет меня, – донеслись до Пауля рыдания дочери, записанные на автоответчике.

То, что сказала Ханна в конце послания, было трудно понять. Она явно была не в себе, что давало профессору некоторую надежду на то, что с ней на самом деле все не так уж и плохо, и речь идет всего лишь о довольно причудливой шутке, на которую не стоит обращать внимания. Ведь дочь сказала следующее:

– Он убьет меня, если ты не поступишь в точности так, как он велит. Он контролирует каждый твой шаг. Я знаю, что у тебя очень много знакомых в Федеральном ведомстве уголовной полиции, но, пожалуйста, послушай меня. Ты не должен ни с кем говорить об этом. Понимаешь? Иначе я умру.

На этом голос дочери оборвался так, как будто кто-то начал ее душить.

От таких слов Херцфельд чуть было не потерял равновесие и, чтобы не упасть, вынужден был схватиться за ручку двери.

«Кто? Как? Почему?» – такие вопросы вихрем пронеслись у профессора в голове.

Однако Пауль не нашел ничего лучшего, чем продолжить разговор, и, словно автоответчик мог дать ответ на его вопрос, спросил:

– Дорогая, где ты?

В этот момент Херцфельд услышал свой голос как бы со стороны, что вызвало у него странное чувство. Все происходящее показалось ему настолько нереальным, что стало походить на видения шизофреника.

Раньше он не считал количество детских трупов, которые ему приходилось вскрывать на своем секционном столе. Но теперь все изменилось. Ведь сейчас на кону стояла жизнь его собственной дочери, и необходимо было ответить самому себе на вопрос: надо ли продолжать игру?

«Все же нужно разобраться, о чем идет речь, – подумал он. – Может быть, о деньгах?»

И тут до него вновь донеслись слова дочери, смысл которых был непонятен:

– Ожидай Эрика. У него есть дальнейшие указания для тебя.

«Кто такой этот Эрик, черт бы его побрал?» – подумал Херцфельд.

Однако ответа на свой вопрос не получил. До него донесся лишь записанный на автоответчике голос дочери:

– Никому ни слова, папа! Иначе я умру!

В телефоне послышался протяжный писк, и связь оборвалась.

Глава 8

Нервное потрясение, которое испытал Херцфельд, прослушав запись голоса своей дочери, едва не привело его к обмороку. И в таком состоянии он находился несколько минут. Если бы кто-нибудь в это время смог проникнуть взглядом через дверцу туалетной кабинки, то он увидел бы сидевшего на корточках на крышке унитаза мужчину, который, чтобы не свалиться, в отчаянии обхватил руками колени. Однако в помещении туалета он был один, и поэтому никто не мог услышать его подавленный стон и прерывистое дыхание.

Постепенно шок стал проходить, но профессор по-прежнему чувствовал себя как после прыжка с высокой скалы в ледяную воду. Удар оказался настолько сильным, что у него возникло ощущение, будто его затянуло во всепоглощающий ревущий водоворот. Но он судорожно старался выбраться на поверхность с такой же быстротой, с какой после прослушивания записи на автоответчике погрузился в это море страха.

«Успокойся! – мысленно приказал себе Херцфельд. – Тебе следует держать себя в руках, если ты хочешь ей помочь».

Он постарался сосредоточиться на своем дыхании, контролируя каждое движение мышц живота и концентрируясь на том, чтобы почувствовать движение воздуха ноздрями носа. Это сработало – с каждым вздохом сумбур в его чувствах отступал, а на душе становилось светлее. Когда Херцфельд

осознал, что дрожь в коленях исчезла и ноги вновь оказались в состоянии держать его тело, он встал и вышел из туалета.

По пути к лифту он попытался вновь вернуть себе ясность мышления и разработать план дальнейших действий. Прежде всего следовало, сославшись на недомогание, попросить секретаршу пересмотреть его расписание и отменить все встречи.

«На что же сослаться? – лихорадочно размышлял профессор. – На простуду? Мигрень? Нет! На расстройство желудка! Это звучит более правдоподобно, особенно если учесть, что я так долго пропадал в туалете».

К счастью, прежде чем это заметили его коллеги, Херцфельду удалось спрятать найденный клочок бумаги в кармане своего рабочего халата.

«В протоколе вскрытия номер телефона с именем моей дочери фигурировать не должен, – решил он. – Что же касается капсулы, то придется соврать коллегам и сказать, что она была пуста».

Следователи наверняка станут ломать голову, пытаясь понять мотивы преступника и определить, что им двигало, когда он внедрял капсулу в голову жертвы. Однако Херцфельда одолевали другие заботы, и он старался не думать о том, что сознательно вводит следствие в заблуждение. Ведь в его мозгу до сих пор звучали слова любимой дочери: «Никому ни слова, папа!»

Что ж, он выполнит ее просьбу, но это совсем не означа-

ло, что Херцфельд собирался сидеть сложа руки в ожидании контакта с похитителями.

«Я обязательно найду тебя, Ханна!» – дал он себе слово, стоя у двери лифта.

Однако профессор напрасно пытался отогнать вновь нахлынувшие на него страшные образы. Кто-кто, а он очень хорошо знал, на что способны люди, удерживающие других в своих руках. Последствия их действий Херцфельд изо дня в день видел собственными глазами. Их жертвы представляли на его секционном столе голыми, поблекшими и зачастую обезображенными.

Глава 9

В аду

После шестого раза она забыла даже свое собственное имя и уже не помнила, *кто* она и *где* находилась. На мгновение ей даже удалось вытеснить из своего сознания то, *что* с ней сейчас происходило. И это тогда, когда мужчина, который ее насиловал, все еще лежал на ней.

Память стала возвращаться к ней после того, как похититель сильно ударил ее ребром ладони в лицо, и вместе с болью в ее сознании начали всплывать обрывки воспоминаний. Перед ней вновь возникла картина безлюдной парковки. Вспомнился и тот подозрительный шорох за спиной, и то, как она обернулась, и как почувствовала прикосновение тряпки ко рту, и как очнулась в этом подвале.

В первый раз, когда девушка была еще в полном сознании, она принялась умолять похитителя использовать презерватив, а вот о том, что была еще девственницей, сказать не решилась, побоялась таким заявлением только еще больше распалить желание ее мучителя. А просьба о презервативе была вызвана тем, что она очень боялась забеременеть или заразиться какой-нибудь дурной болезнью. Правда, вероятность подхватить СПИД беспокоила ее тогда меньше всего.

– Ну конечно! Мы все сделаем как надо! – гнусно ухмыльнулся мужчина, расстегивая брюки.

Однако по тону его хриплого и похотливого голоса нетрудно было догадаться, что он лжет.

«Вряд ли мне удастся выбраться отсюда живой», – подумала девушка.

Осознание того, что в ее случае речь не идет о похищении с целью выкупа и что преступник намерен ее убить, появилось у жертвы в тот момент, когда, перед тем как в первый раз войти в нее, пахнувший хозяйственным мылом насильник стащил с головы сделанную из колготок маску. За ней скрывалось без единой морщинки с небольшой родинкой на правой щеке лицо с высоким лбом, обрамленным слегка вьющимися, густыми песочного цвета волосами. Необычно маленькая овальная голова негодяя сидела на немного длинноватой шее.

«Теперь я могу опознать тебя», – мелькнула у девушки мысль, но, поняв, что это для нее означает, она разрыдалась.

Ни один преступник не отпустит свою жертву, будучи уверенным, что она знает его в лицо.

До того момента, пока на мужчине еще была маска, он в течение получаса облизывал каждый участок ее голого тела. В отличие от прошлых переживаний это она помнила хорошо. Казалось, испытанная ею боль перезаписала память, стерев ее собственное «я». Однако воспоминания об истязаниях сохранились. Девушка не забыла ни одну деталь: она все еще ощущала, как этот сумасшедший колол ее соски острием ножниц, и то, как он, накиннув на ее шею петлю из кожаного

го ремня, стал затягивать его, обзывая свою жертву проституткой, возмущаясь тем, что его член твердел не так быстро, как ему хотелось.

Затем он на некоторое время оставил ее одну, и это были самые страшные моменты ее мучений. Ведь она терзалась от неведения того, что с ней будет дальше и с каким новым инструментом для пыток он к ней вернется.

Все это началось три дня назад.

«Если мой туалетный счет верен, то прошло трое суток», – думала несчастная.

Обычно она опорожнялась максимум один раз в день, а здесь ей пришлось сделать это уже три раза – ее экскременты проваливались через металлические пружины кровати без матраса. К тому же в наказание похититель ударил ее по губам полной жестяной банкой с пивом, и теперь, проводя языком по тому месту, где раньше были резцы, она испытывала жуткую боль.

Эта боль буквально стреляла ей в мозг, высвечивая наподобие вспышек отдельные, совершенно разрозненные и совсем никчемные воспоминания из прошлой жизни. Например, о том, как она забыла свои водительские права, как ее застукали в гимназии за списыванием контрольной работы по курсу углубленного изучения химии или о том, как без разрешения матери сделала себе татуировку бабочки на лодыжке.

«Прости, мама. Надеюсь, ты на меня не сердишься», –

пронеслось у нее в голове.

Уже в первую ночь в этом страшном подвале она почувствовала, что ее душа хочет отделиться от тела. Затем несчастная впала в беспокойный сон, в котором видела себя девятилетней девочкой, игравшей со своим отцом в игру «Что бы ты выбрал?».

Эта игра возникла во время долгих поездок на автобусе по Берлину, или «туров», как они их называли. В те немногие выходные, когда глава семейства не был занят на работе, семья каждый раз выбирала новый маршрут и, усевшись на передних местах двухэтажного автобуса, принималась изучать город. Все началось с вопроса, который девочка задала своему отцу:

– Что бы ты выбрал, папа: выпить литр простокваши или стакан водички от консервированных сосисок из банки?

– Фу, какая гадость! Ничего из тобой предложенного.

– Так нечестно.

– Мне обязательно надо выбрать?

Девочка закатила глаза, всем своим видом показывая, насколько тупым оказался ее отец, и снисходительно пояснила:

– Игра так и называется: «Что бы ты выбрал?»

Тогда он выбрал водичку от консервированных сосисок, а девочка с восторгом принялась хихикать:

– Фу, какой ты противный!

В ответ отец расхохотался и тоже задал вопрос:

– Ладно. Что бы ты выбрала: поцеловать Марка или Тима?

Ему было хорошо известно, что она не переваривала их обоих. Тогда девочка, засунув палец в рот, с самым серьезным видом принялась размышлять, кого из своих одноклассников она бы предпочла.

«Кого же выбрать? – думала тогда она. – Марка или Тима?» От какого-то шороха девушка в испуге проснулась. И так же как остатки сна при пробуждении превращаются в ничто, сохранившиеся обрывки ее воспоминаний растворились в диком крике. Она увидела, что психопат вернулся в тот ад, который сотворил в этом подвале, и собирается вновь приняться за свою жертву.

Глава 10

Берлин

Херцфельд стоял с мобильником в руке возле панорамного окна своего офиса на девятом этаже Трептоверса и, не обращая внимания на потрясающий вид, открывавшийся с этого места на Берлин и покрытую льдом Шпрее, вновь и вновь прокручивал в голове сообщение своей дочери, переданное по автоответчику. Он пытался нащупать хоть какую-нибудь ниточку, которая могла помочь ему напасть на след пропавшей Ханны, но все усилия были напрасны. Если она и поместила в своем послании какую-либо скрытую информацию, то расшифровать ее ему не удавалось.

Тогда профессор оставил это бесполезное занятие и решил дозвониться до коттеджа на озере Шлахтензее, в котором он раньше проживал со своей семьей. Конечно, Херцфельд предпочел бы напрямую набрать номер мобильного телефона Ханны, но после того, как ему пришлось покинуть семейное гнездышко, дочь в знак протеста сменила номер, а новый сообщить отцу так и не удосужилась.

Пауль тяжело вздохнул и набрал номер своего прежнего домашнего телефона.

– Добрый день, вы позвонили фрау Ширмхерр. С вами говорит автоответчик. Оставьте свое имя и номер телефона. Я вам перезвоню, – отозвались на другом конце телефонной

линии.

При обычных обстоятельствах у Херцфельда начинал дергаться глаз, когда он слышал девичью фамилию своей бывшей жены, которую она вернула себе еще во время их бракоразводного процесса, то есть до того, как их разрыв обрел законную силу. Однако сейчас было не время распалить ненависть к своей бывшей жене, и он набрал номер ее мобильного. К его удивлению, на звонок ответил знакомый мужской голос.

– Алло, Норман, это я, Пауль. Мне надо переговорить с Петрой.

– Интересно, о чем?

«А тебе не все равно?» – мысленно ответил ему Херцфельд, который, несмотря на плохую слышимость, все же уловил его ехидную усмешку.

Два года тому назад Петра представила Херцфельду Нормана в качестве своей правой руки в руководимом ею архитектурном бюро, а спустя всего два месяца эта «правая рука» уже залезла в ее трусики.

«Проклятье! – подумал профессор. – Надо же было такому случиться! Единственный раз я решил позвонить своей бывшей жене и нарвался именно на человека, ставшего причиной нашего развода».

– Где она?

– Петра, к сожалению, уже в самолете. Что мне ей передать?

– В каком самолете? – удивился Херцфельд.

– «Эйрбас-380», – заносчиво ответил Норман.

Только тогда профессор понял, что за посторонние шумы мешали их разговору. Это были характерные звуки, присущие любому международному аэропорту – в мобильнике слышался гул голосов и стандартный гонг, предшествующий объявлению на нескольких языках.

Петра специализировалась на разработке строительных проектов крупных торговых центров по всему миру. Поэтому не было ничего необычного в том, что она летала в командировки со своим личным секретарем. Станным, однако, было другое. Зачем Петра доверила ему свой мобильник?

Ответ напрашивался только один: видимо, она прочитала его имя, высветившееся на дисплее телефона, и передала его своему другу. Херцфельда так и распирало высказать этому наглецу все, что он о нем думает, но профессор подавил в себе приступ гнева и произнес:

– Послушайте, это очень важно. Мне нужно срочно с ней поговорить. – Тут Херцфельд прикусил себе язык, так как чуть было не произнес слова о том, что речь идет о жизни и смерти Ханны.

А это могло создать опасность для его дочери!

«Никому ни слова, папа! Иначе я умру!» – запомнилось ему ее предупреждение.

– Я с удовольствием соединил бы вас с Петрой, но «Квон-тас» не делает исключений даже для пассажиров первого

класса, – откашлявшись, заявил Норман.

– «Квонтас»? – удивился Херцфельд, который еще раньше по необычному сигналу вызова мог догадаться, что звонок международный. – Она в Австралии?

– В Новой Зеландии, хотя я не понимаю, вам-то какое дело?

Трудно передать словами, с каким удовольствием Херцфельд обматерил бы этого идиота. Его так и распирало это сделать, но тогда этот засранец закончил бы разговор намного быстрее.

– Послушайте, – заявил Норман. – Было приятно поболтать с вами. Но мне пора на регистрацию, а персонал аэропорта просит мой мобильный телефон.

– Моя дочь с вами? – вынужден был Херцфельд задать Норману вопрос, который он хотел адресовать лично своей жене.

Его не оставляла слабая надежда на то, что сообщение, прослушанное им по автоответчику, является розыгрышем. Ведь в век цифровой технологии составить текст с подлинным звучанием голоса человека путем компоновки вырезок из старых записей было не так уж и трудно. Поэтому он старался исключить любые сомнения, пусть даже самые ничтожные, в том, что Ханну действительно похитили. Только тогда Херцфельд смог бы полностью сконцентрироваться на ее освобождении.

– Ханна? – В голосе Нормана послышалось неподдельное

удивление. – Ее с нами нет. Если вы забыли, профессор, то мне придется вам напомнить, что она должна ходить в школу.

«Но дома я застать ее никак не могу!» – подумал про себя Херцфельд.

Профессор понимал, что дальнейший разговор становится все более бессмысленным, но тем не менее спросил:

– Вы знаете номер мобильного Ханны?

– Знаю. Однако после всего того, что мне довелось услышать, не думаю, что его стоит вам сообщать. А теперь прошу меня извинить.

С этими словами наглец отключился, и профессор в ярости сжал в руке свой мобильник. Его так и подмывало швырнуть телефон о стену, а еще лучше запустить им в стеклянную витрину с выставленными в ней историческими экспонатами, подаренными на его сорокалетие руководством факультета, где он преподавал. Возможно, он поддался бы этому сильному искушению, если бы вдруг в его руке не начал вибрировать мобильник.

Херцфельд тупо уставился на дисплей, постоял некоторое время и только потом, нажав на кнопку приема вызова, отвел. И хотя номер неизвестного абонента не определился, профессор догадывался, кто именно ему звонил. Он предполагал, что с ним свяжется человек с измененным голосом, используя кодированную связь через зарегистрированный за границей интернет-маршрутизатор.

Ханна говорила, что дальнейшая информация поступит от человека по имени Эрик.

Глава 11

Гельголанд

Студия на чердаке под крышей была единственным запирающимся на ключ помещением в доме. Кроме того, здесь все хорошо просматривалось, для чего было достаточно одного беглого взгляда. В комнате не было никаких кроватей, под которыми можно было бы спрятаться, и никаких шкафов, откуда злоумышленник мог бы выскочить, чтобы напасть на нее сзади. Вернувшись, Линда закрыла входную деревянную дверь в дом на засов, а дверь студии – на щеколду, под которую на всякий случай подставила стул с прочной металлической спинкой. Тем не менее в своем чердачном помещении в безопасности она больше себя не чувствовала.

Это ощущение у Линды начисто пропало после того, как она обнаружила мокрое полотенце и то, что кто-то лежал на ее кровати. Уверенности не придавало и бегство из дому, во время которого женщина нашла труп на западном берегу острова. Она и в дом-то вернулась лишь благодаря настойчивым требованиям брата, поскольку, по его мнению, это было все же лучше, чем обращаться в полицию.

– И что ты скажешь копам? – спросил ее Клеменс, когда вчера после обнаружения страшной находки она все же нашла потерянный мобильник и, стоя у волнореза, ему перезвонила. – Как ты думаешь, что произойдет, когда ты за-

заявишь им о том, что случайно наткнулась на труп, гуляя по берегу в такую погоду? Черт возьми, Линда, мы можем использовать любые методы, но только так, чтобы не привлекать к себе внимания.

– Ты хочешь сказать, не привлекая внимания к тебе.

Но в одном ее брат был прав. Какие бы действия по отношению к Дэнни он ни предпринимал, сообщать полиции о судьбе преследователя Линды не стоило.

– Поверь мне, малышка, я не дурак, – заявил Клеменс. – Со мной ничего не случится. А вот твое имя уже занесено в полицейский компьютер. И отнюдь не в графу «жертва». К тебе в лучшем случае отнесутся как к истеричной бабе, безосновательно обвиняющей вполне безобидных мужчин. Однако, как только ты заявишься к полицейским, они сразу же отследят, что твой бывший дружок вот уже как несколько дней назад бесследно пропал. А теперь вдруг рядом с твоим домом обнаруживается труп еще одного мужчины. Как ты думаешь, что они сделают? Я прошу тебя, если не хочешь провести под стражей ближайшие дни, ничего не предпринимай.

– Но я же не могу просто так бросить этого несчастного парня! – воскликнула Линда, стараясь перекрыть шум ветра и беснующегося моря.

– А почему бы и нет? Мертвец никуда не убежит, да и помочь ему уже никто не сможет. Так что возвращайся-ка ты домой и жди, пока какой-нибудь другой глупец не наткнется

на тело. Пусть он переживает стресс от встречи с полицией, а не ты. Как только ураган стихнет, я сразу же заберу тебя оттуда.

Эти слова, казалось, подействовали, но тут Линду словно прострелило.

– А что, если это Дэнни убил его? – со страхом спросила она.

И такое ее предположение основывалось не на пустом месте. Ведь смерть Шиа была точно на его совести. Однажды Линда, придя домой, была неприятно поражена тем, что ее стиральная машина внезапно заработала в режиме отжима, хотя сама хозяйка отсутствовала более восьми часов.

Линда в страхе бросилась к стиральной машине и, когда открыла ее, вытащила из барабана своего мертвого кота. На стекле же загрузочного люка обнаружилась записка следующего содержания: «Если ты меня больше не любишь, то незачем тебе любить кого-то другого».

– Вдруг этот садист теперь принялся терзать не только животных? – охваченная ужасом, проговорила Линда.

– Тогда у него должно быть больше жизней, чем у твоего кота, – недвусмысленно ответил Клеманс.

Они еще некоторое время обсуждали сложившуюся ситуацию, и, в конце концов, мнение брата взяло верх. Она дала ему слово, что не станет заявлять о своей находке, хотя речь и шла о трупе, и не пойдет в гостиницу «Бандрупп», где, как ей было известно, для обсуждения складывающейся обста-

новки на острове собирались все ответственные лица.

Держа свое слово, Линда поднялась по тропинке и вернулась в дом, чтобы забаррикадироваться в студии. Ночь она провела, лежа на полу, укрывшись одним только тонким лоскутным одеялом, и сколько ни старалась, уснуть так и не смогла. Стоит ли удивляться, что наутро у нее болели все кости, а сама она чувствовала себя словно выжатый лимон. У нее было такое ощущение, как будто ей пришлось без остановки танцевать несколько ночей подряд, поддерживая себя одними только стимуляторами.

Линда зевнула и подошла к узкому окну. Открывшаяся картина неприятно ее поразила: дождь лил как из ведра, создавая сплошную стену темной воды.

«Когда я в последний раз видела солнце?» – силилась припомнить Линда.

В такую ужасную погоду горизонт еще больше приблизился к скалам, а обычно вездесущие морские птицы попрятались. Вместо них по воздуху летал одинокий пластиковый пакет, поднятый вверх ураганными порывами ветра. Он то опускался, то поднимался, влекомый воздушными потоками, которые в ярости стремились разорвать его, пока не скрылся за утесами, поглощенный суровым Северным морем.

Линду охватил озноб, но не от холода, который все больше проникал в комнату через продуваемые окна, а от осознания того, что рано или поздно ей придется открыть дверь

и спуститься вниз – ведь ей все больше хотелось в туалет, да и жажда начинала уже давать знать о себе. К тому же там находилась и ее сумочка!

Тем не менее ее мысли постоянно возвращались к страшной находке на берегу. И хотя для нее умерший мужчина был незнакомцем, а для Клеменса составлял проблему, ее не оставляло чувство, что она поступает неправильно. Поэтому она никак не могла отойти от окна и оторвать взгляда от того места, где в хорошую погоду можно было увидеть протоптанную тропинку, ведущую к морю.

Проснувшаяся совесть не давала ей покоя, ведь там, внизу за пригорком, лежал труп человека, у которого еще совсем недавно имелась семья, коллеги и друзья. Они, ожидая его возвращения, наверняка беспокоились из-за его долгого отсутствия. Перед Линдой постоянно возникала картина бьющейся в истерике жены погибшего, которая наверняка, оставаясь в неведении о том, что произошло с ее любимым, мучилась от отчаяния и ужасной неопределенности.

Мысли об этом начали мучить художницу еще накануне, и поэтому она все же нарушила строгие инструкции, полученные от брата. Клеменс жестко приказал ей ни в коем случае не приближаться к трупу и уж тем более его не трогать. Однако, поразмыслив, она все же решила, что уж если и действовать вопреки своим чувствам и оставлять человека на берегу, как какой-нибудь обломок кораблекрушения, то надо хотя бы знать, кто он.

«Не исключено, что Клеменс прав, и было бы лучше, чтобы тело нашел кто-то другой, – думала Линда. – Но чтобы это произошло как можно скорее, возможно, мне стоит попытаться идентифицировать личность покойного».

Руководствуясь такими благородными побуждениями, Линда и взяла вчера небольшую борсетку покойника, валявшуюся на берегу возле защитной каменной кладки всего в нескольких метрах от мертвеца. Однако пока заглянуть в нее не решалась.

Отвернувшись от окна, она посмотрела на кожаную сумочку с коричневым ремешком, по-прежнему лежавшую нетронутой на столике рядом с мольбертом, и, как бы подталкивая себя к дальнейшим действиям, задала себе вопрос: – Чего же ты ждешь?

Линда нерешительно приблизилась к столику, все еще не отваживаясь дотронуться до борсетки. Вчера она вставила в торчащую из нее петлю палку и, не дотрагиваясь до сумки руками, принесла ее в дом. Но это было вчера, а теперь?

Теперь же она вздохнула и вытащила пару перчаток из кармана висевшей на спинке стула ветровки. Ведь для того, чтобы не оставлять отпечатков пальцев, ей не оставалось ничего другого, как надеть на руки эти толстые кожаные перчатки. Более тонких у Линды с собой не было, и поэтому вначале у нее возникли трудности – молнию заело, и ее пришлось несколько раз подергать. Наконец она справилась с этой задачей и открыла борсетку.

Сумочка оказалась мягкой на ощупь, и в ней, кроме мобильного, ничего не было. Ни бумажника, ни ключей, ни документов. Линда осторожно вынула из нее телефон и положила его на столик. Дисплей мобильного светился, показывая четыре пропущенных вызова, а в левом верхнем углу мигал символ в виде перечеркнутого колокола.

«Переключено на беззвучный режим, – догадалась Линда. – Вот почему я не слышала звонков».

Она перевернула борсетку вверх дном и принялась энергично трясти ее. Однако больше никаких предметов из нее не выпало.

«Что ж, тогда следует внимательнее рассмотреть сам мобильник», – решила Линда.

Корпус у телефона с большим дисплеем был розового цвета и больше подходил для молодой девушки, чем для взрослого мужчины. Линда сняла перчатки и, взяв в руки карандаш, нажала тупым концом на кнопку «Меню».

«Интересно получается...» – отметила она.

Все четыре вызова поступили с одного и того же мобильного телефона. Первый – за полчаса, а остальные три один за другим с коротким перерывом – несколько минут назад. В меню входящие СМС-сообщения вовсе отсутствовали.

Она пометила номер входящих звонков в своем блокноте и перешла в главное меню. Здесь она сделала еще одно, при этом очень странное открытие: эти четыре пропущенных звонка оказались единственными, сохранившимися в

памяти телефона. Складывалось впечатление, что владелец мобильного сам не звонил с него или удалил всю историю звонков незадолго до смерти, что в принципе было возможно, но весьма необычно.

Линда отложила карандаш в сторону и задумалась. Она почувствовала сильное возбуждение, но, в отличие от напряжения, испытанного за последнее время, это не отняло, а, наоборот, придало ей сил – впервые у нее возникло ощущение, что она делает что-то стоящее. Оpozнание личности погибшего человека больше соответствовало ее деятельной натуре, чем бегство от неизвестной опасности.

«Движемся дальше», – решила Линда.

Она достала переданный ей Клеменсом телефон, номер которого был известен только ему, проверила еще раз, активирована ли у него функция подавления номера, а затем набрала номер абонента, пытавшегося совсем недавно не менее четырех раз дозвониться до мертвеца.

Уже при первых сигналах исходящего вызова Линда затаила дыхание, почувствовав, как бешено заколотилось у нее сердце, а на третьем гудке стала ощущать себя рыбой, выброшенной на сушу, жадно глотала ртом воздух. На четвертом сигнале вызова мужество оставило ее, и она хотела завершить звонок, но было слишком поздно – на другом конце телефонной линии ответили. Голос принадлежал мужчине и звучал так, будто его обладатель чем-то очень озабочен. Линде показалось, что неизвестный напуган ее звонком не

меньше, чем она сама. Он сказал:

– Алло, слушаю вас! Вы разговариваете с Паулем Херцфельдом!

Глава 12

Берлин

– Алло! Вас не слышно! – воскликнул Херцфельд.

Неизвестный абонент пока не произнес ни слова – из мобильного доносилось только его дыхание.

– Что вы хотите от меня? – спросил профессор и отнял телефон от уха, чтобы удостовериться в том, что связь не разорвалась.

Все было в порядке – на дисплее отображались все четыре полосы, свидетельствовавшие о максимальном качестве приема сигнала, да и на линии слышались шумы. Тогда Херцфельд спросил:

– Эрик, это вы?

Однако ответа не последовало. В мобильнике слышалось только прерывистое дыхание звонившего. Вообще-то номер мобильного телефона Херцфельда был известен только его близким друзьям и членам семьи, но никто из них не связывался с ним, включив антиопределитель номера.

«Возможно, кто-то ошибся в наборе номера, а теперь не решается дать отбой? – подумал профессор и сам же себе возразил: – Такое возможно, но маловероятно».

Наконец Херцфельду надоело это упорное молчание, и он грозно произнес:

– Послушайте, я не знаю, кто вы, и не понимаю, чего вы

от меня хотите. Но одно могу вам гарантировать: если с головы моей дочери упадет хоть один волосок, то тогда слово «боль» приобретет для вас совершенно новое значение. Вы меня поняли?

Херцфельд осознавал, что он балансирует на острие бритвы, ведь каждое пособие по психологии ведения переговоров начинается с предупреждения: «Не злите захватчика заложников». Но в его случае действовали иные правила игры – преступник поступал нешаблонно.

Конечно, к настоящему времени профессор располагал о похитителе дочери весьма скудной информацией, но и без того было совершенно очевидно, что Херцфельд столкнулся с человеком, мыслящим нестандартно, и к тому же профессионалом. Взять хотя бы женский труп. Он однозначно свидетельствовал о том, что препарировал его профессиональный убийца, который намеренно изувечил тело так, чтобы рано или поздно оно обязательно оказалось на секционном столе в спецподразделении, руководимом Херцфельдом. Весьма вероятным было и то, что преступник точно знал, что на этой неделе дежурить будет сам профессор.

Убийца обладал хорошими знаниями анатомии. В противном случае столь сложное размещение телефонного номера в черепе трупа теряло всякий смысл. Оно носило адресный характер. Иначе преступник мог бы просто позвонить и выдвинуть свои требования.

Как только Херцфельд это понял, он принялся ломать се-

бе голову в поисках ответа на вопрос: чем таким он мог вывести из себя человека, чтобы тот убил женщину и похитил Ханну?

Все это вихрем пронеслось в голове профессора, и он сказал:

– Я предполагаю, что вы точно знаете, кто я.

Однако на другом конце телефонной линии по-прежнему царило зловещее молчание, и тогда Херцфельд добавил:

– В таком случае вы также знаете, что благодаря возможностям, которыми я располагаю как сотрудник Федерального ведомства уголовной полиции Германии, мне не составит особого труда найти такого человека, как вы. Найти и уничтожить. Однако если вы проявите благоразумие, то я готов пойти на сделку и выполнить любые ваши условия. Выскажите свои требования и давайте встретимся. Я хочу вернуть свою дочь живой.

Пока Херцфельд произносил все это, ему вдруг стало ясно, что при таком варианте сделка не состоится. От этой мысли у него пересохло в горле, и он почувствовал себя плохо.

«Нет, дело не в деньгах, иначе они связались бы с Петрой. Ведь она родом из богатой семьи, да и зарабатывает в три раза больше, чем я», – подумал несчастный отец.

Действительно, его бывшая жена реально могла раздобыть в течение нескольких часов достаточно приличную сумму наличными. И это, естественно, не могло укрыться от человека, столь педантично подготовившего и совершившего

данное преступление.

Тогда Херцфельд собрался с силами и, скрывая свое истинное состояние, достаточно твердо произнес:

– Скажите, чего вы хотите, и вы получите это. Я же хочу только вернуть свою дочь.

Профессор помолчал немного, а потом спросил:

– Эрик?

Однако никакого ответа не последовало. Перестало быть слышным и дыхание на другом конце телефонной линии. Исчезло также характерное потрескивание, свидетельствовавшее о наличии связи, и в телефоне повисла мертвая тишина.

– Нет! Пожалуйста, не отключайтесь! – воскликнул Херцфельд.

Одного взгляда на телефон оказалось достаточно, чтобы профессор понял, что оправдалось самое худшее его предположение.

Абонент на другом конце телефонной линии дал отбой!

«Я все испортил, – принялся ругать себя профессор. – Это был очень важный звонок. Все висело на тонком волоске, но я оборвал его!»

Херцфельд со злостью ударил ладонью по письменному столу, но потом его ярость улеглась, и он задумался о том, что ему следует предпринять. Первым порывом стало желание отследить вызов, но сделать это было не так-то легко, как показывают в фильмах, – любой оператор сотовой связи,

прежде чем предоставить требуемые данные, с помощью которых можно определить, откуда звонили с мобильного, сначала потребует соответствующее судебное постановление.

«Стоит ли мне привлекать к этому делу сторонние инстанции? – спрашивал себя профессор. – Ведь Ханна просила этого не делать».

«Иначе я умру», – были ее слова.

«Вместе с тем, – продолжал рассуждать Херцфельд, – иного выбора у меня, пожалуй, нет. Ведь этот Эрик, или как там его зовут на самом деле, не пожелал со мной разговаривать. Или все же звонил кто-то другой? Но тогда почему он не издал ни звука?»

Пауль открыл файл, содержащий языковую информацию, и стал прослушивать последнюю запись, концентрируя внимание на звуках дыхания связавшегося с ним абонента, которые записал его телефон. Он включил режим прослушивания на полную громкость и поэтому, когда вновь раздался телефонный звонок, от неожиданности вздрогнул всем телом.

– Алло!

На этот раз, перед тем как ответить, Херцфельд не успел активировать функцию записи разговора.

– Эрик?

В телефоне вновь послышался лишь какой-то шорох, и профессор уже было подумал, что и на этот раз абонент на другом конце телефонной линии ограничится молчанием.

Однако он ошибся! Звонивший произнес всего два слова, нанесшие Херцфельду еще один удар ниже пояса. И услышал эти два слова несчастный отец, к своему величайшему удивлению, от молодой женщины, которая отрывисто произнесла:

– Эрик мертв!

Глава 13

В аду

Она слабо помнила, как маньяк всучил ей записку с текстом и приказал наговорить его на телефон. Это был один из тех немногих моментов, когда он ее не трогал. Возможно, при этом мучитель хотел исключить дрожание голоса своей жертвы, когда она записывала на носитель информации свидетельство того, что еще жива. Другого объяснения она не находила, хотя два сломанных ребра, а позднее и разрыв промежности сделали ее боль настолько невыносимой, что душа девушки практически полностью отделилась от физического тела.

В данный момент ее прежнее «я» стояло наподобие сломанного вагона на запасном пути сознания жертвы. Жалкий же остаток того, что ранее составляло ее личность, находился в самом поезде, который все глубже въезжал в темный туннель безысходности и боли.

Резиновая губка, размером с мяч для игры в гольф, торчала у нее во рту, постоянно нажимая на пульсирующую от боли рану в деснах. Но эта боль была желаемым отвлечением от того, что придумал для нее ее мучитель – насильник нашел еще одно естественное отверстие в нижней части ее живота и теперь, казалось, хотел разорвать и его.

Она мычала в течение десяти минут, и душераздирающие

звуки этого мычания прерывали только удушающие приступы кашля, ведь губка заглушала рвущиеся наружу крики боли.

– Нравится? Да? Ты – маленькая шлюха! – издевался он.

Все тело девушки свела судорога, что сделало боль еще ужаснее. Однако это вызвало у ее мучителя лишь приглушенное хрюканье, указывавшее на то, что толчки вот-вот станут еще сильнее. Внезапно изверг покинул ее. Несчастная даже не заметила, как он поднялся с кровати и, встав рядом с ней, принялся махать рукой в глазок маленькой видеокамеры, непрерывно моргавшей в правом углу помещения прямо над дверью. Он делал это каждый раз, когда насиловал ее. И если в первый раз она почувствовала, как что-то липкое стало вытекать у нее между ног, то теперь образовавшаяся там одна сплошная рана таких ощущений больше не вызывала.

– Сейчас мне надо идти, ты, маленькая шлюха, – услышала несчастная слова своего мучителя.

При этом мелкие брызги от его влажного дыхания попадали ей на лицо, вызывая жгучее желание содрать с себя кожу. Она вытолкнула изо рта губку.

– Не называй меня шлюхой, меня зовут...

И тут несчастная горько заплакала от того, что не могла вспомнить свое имя.

– Не реви, когда-нибудь я вернусь.

С этими словами он зажал ее подбородок между большим и указательным пальцами и, сжимая его со всей силы, доба-

вил:

– Хочешь знать, что ждет тебя, когда я вернусь?

В ответ она заплакала еще сильнее и, мотая головой, принялась умолять его оставить ее, наконец, в покое.

– Ну хорошо. Я, правда, хотел приготовить для тебя сюрприз, но, так и быть, покажу.

– Что? Нет! Не надо показывать! Пожалуйста, не надо больше ничего показывать!

Застывшим от страха взглядом она посмотрела на ржавый нож, который он приблизил к ее лицу. Его рукоятка, которую садист держал в руке, была обмотана пятнистым шелковым платком.

– Этим я сделаю тебя женщиной.

Затем насильник вопросительно изогнул брови так, будто его жертва сказала нечто такое, что сбило его с толку.

– Неужели ты думала, что я это уже сделал?

Мучитель достал сигарету, прикурил, опять поднял нож и заявил:

– Нет, нет, нет! Так дело не пойдет! Я давно заметил, что тебе это очень нравится. А так быть не должно. Такое запрещено. Настоящая женщина должна оставаться целомудренной. Ты понимаешь?

– Нет! Я больше ничего не понимаю! Пожалуйста, отпусти меня!

Но садист ее не слушал.

– Есть разные способы сделать женщину женщиной, – без-

жалостно продолжал он. – Лично мне больше импонирует метод, практикуемый в Сомали. Ведь там обрезают более девяноста семи процентов всех женщин.

– Обрезают?

Она в панике затрясла своими оковами. Но это только вызвало у насильника, дымившего сигаретой, улыбку:

– Успокойся! Ведь ты еще не знаешь, какой именно ритуал я для тебя выбрал.

Он стал перебрасывать нож из одной руки в другую, а затем спросил:

– Ты думаешь, что я удалю тебе только клитор? Или вместе с большими половыми губами еще и малые? А может быть, как это практикуется в Сомали, мне стоит после этого зашить тебе вагину? Как ты считаешь?

Девушка попыталась приподняться и вырваться из своих кожаных оков, с помощью которых ее руки и ноги были привязаны к кровати. Тогда садист наклонился к ее лицу, пустил ей сигаретный дым в глаза и спокойно произнес:

– В принципе независимо от того, какой метод я выберу, ясно только одно: ты этого не переживешь.

С этими словами мучитель сделал нечто такое, что она сначала восприняла за благо. Но потом до нее дошла вся жестокость его поступка.

– Я оставляю тебя на некоторое время. Нет, я не так выразился. Понаслаждайся тем временем, которое у тебя еще осталось, – донесся до нее его голос.

Затем тяжелая противопожарная дверь с грохотом захлопнулась за насильником, а несчастная жертва, не веря своим глазам, принялась разглядывать свои запястья, которые маньяк только что освободил от оков.

Глава 14

Берлин

– Вас подвезти, господин профессор?

Херцфельд от неожиданности вздрогнул и с удивлением увидел остановившийся возле него автомобиль «порше». Погруженный в свои мысли, он не заметил, как тот подъехал. Стоя на парковке Федерального ведомства уголовной полиции, Пауль из-за сильного снегопада не сразу узнал водителя за рулем шикарного внедорожника.

– Садитесь, прошу вас!

Профессор сделал шаг вперед и, прищурившись, через полуоткрытое окно попытался разглядеть говорившего.

«Ингольф фон Аппен! Только его мне сейчас и не хватало!» – подумал Херцфельд.

Появление в это время практиканта показалось ему подозрительным, и он спросил:

– Почему вы не в морге?

– Когда вы ушли, мне в довершение всего стало плохо. Поэтому ваши коллеги настоятельно порекомендовали наплевать на практику, – вымученно улыбнулся Ингольф. – Кажется, я все изгадил, но, может быть, мне удастся исправить положение, если я вас подвезу?

– Спасибо, это не обязательно.

– Неужели в такую ужасную погоду вы поедете домой на

общественном транспорте?

Херцфельд хотел было отказаться от предложения практиканта, указав рукой на стоянку такси рядом с въездом на территорию Федерального ведомства уголовной полиции, и только тогда заметил, что она пуста.

– Такси? При такой погоде вам придется ждать долго. Все машины разъехались.

Херцфельд замешкался – быстро придумать новую отговорку он не смог, а изложить практиканту правду было не только нелепо, но и опасно.

«Что я ему скажу? – подумал профессор. – Что мою дочь похитили? Нет. Надо что-то придумать, ведь мне необходимо быть одному, когда женщина, нашедшая мобильник Ханны, снова перезвонит. Если она вообще перезвонит».

Сомнение Херцфельда было вполне обоснованным, ведь во время последнего их разговора она несколько раз хотела дать отбой. Сначала он решил было, что молодая женщина действует заодно с похитителями. Однако, к его удивлению, она потребовала представить доказательства того, что профессор действительно работает в полиции, а это не имело бы никакого смысла, если бы она состояла в сговоре с преступниками. Тогда, немного подумав, он предложил ей самой связаться с Федеральным управлением уголовной полиции, располагавшимся возле моста Эльзенбрюке, и там навести о нем справки.

Через несколько минут «некая Линда» позвонила его сек-

ретарю и настоятельно попросила срочно соединить ее с профессором Херцфельдом. После этого их разговор стал носить более доверительный характер, хотя во время него они и продолжали танцевать вокруг да около, словно два боксера на ринге перед решающей схваткой. Никто из них не желал раскрывать свои карты, и каждый стремился скрыть имеющуюся у него информацию до тех пор, пока собеседник не ответит на интересующие его вопросы, хотя Пауль непреднамеренно выболтал гораздо больше, чем следовало.

Линда никак не хотела поверить, что его дочь была похищена. В то же время она вспомнила, что во время ее первого звонка Херцфельд угрожал убить некоего Эрика, если тот не вернет Ханну живой и здоровой. В конце концов Линда собралась с духом и огорошила профессора длинным монологом, звучавшим не то как оправдание, не то как признание:

– Возможно, я еще больше погружусь в дерьмо, в котором и так завязла по уши. К тому же мой брат наверняка убьет меня, если узнает о моем звонке вам. Однако, профессор, если вы действительно тот, за кого себя выдаете, то вам на самом деле не составит большого труда определить место, или как там это у вас называется, откуда я звонила. Поэтому мне лучше сразу сказать о своем местонахождении. Кроме того, у вас голос человека, реально нуждающегося в помощи. Хотите верьте, хотите нет, но у нас есть нечто общее. – Женщина помолчала немного, а потом продолжила: – Я знаю, насколько паршиво чувствует себя человек, словно зажатый в

клещах, который нуждается в том, чтобы кто-то вытащил его из этого дерьма. Поэтому буду полагаться на свой инстинкт. Не могу, правда, сказать, что он меня никогда не подводил, скорее наоборот. В последний раз, когда я к нему прислушалась, оказалась в одной постели с психопатом. Однако наплевать. Ведь, с одной стороны, мне здесь не спрятаться, а с другой – добраться до меня вы все равно не сможете. Так что я ничего не теряю.

А потом Линда рассказала ему о Гельголанде и о том, что скрывается на острове от преследователя. Поэтому она ни в коем случае не хотела, чтобы ее местонахождение было обнаружено. Это же стало и главной причиной того, что молодая женщина не обратилась в полицию.

От Линды Херцфельд узнал, что борсетку с телефоном Ханны она нашла. Рассказала женщина и об утопленнике, недалеко от которого и было все это найдено, заметив, что тот вряд ли теперь сможет что-либо сообщить профессору.

– Куда вас отвезти? – не отставал от Пауля сын сенатора Ингольф, гостеприимно распахивая переднюю пассажирскую дверь своего автомобиля.

Сам того не подозревая, фон Аппен задал вопрос, имевший первостепенное значение: «Куда?»

В том, что ему следует предпринять в первую очередь, Херцфельд уже не сомневался – необходимо было забрать свой чемодан для выездов на место преступления. Однако, если бы ему пришлось воспользоваться служебным, то в та-

ком случае необходимо было за него расписаться в Федеральном ведомстве уголовной полиции, а этого профессор делать не хотел. Вместе с тем дома у него имелся личный следственный чемодан со всем содержимым, необходимым для проведения первичного обследования места преступления и обеспечения сохранности улик. Также Пауль намеревался забрать там наличные деньги и смену белья.

Однако профессор ожидал звонка от Линды и, как уже говорилось, не хотел, чтобы их телефонный разговор кто-нибудь слышал.

– Я заказал такси из офиса, – солгал он Ингольфу.

В этот момент зазвонил его мобильник.

– Линда? – переспросил Херцфельд и отвернулся от «порше», стараясь разобрать трудно воспринимаемые слова на другом конце телефонной линии.

– Хочу сразу предупредить, что больше такой гадости ради вас я не сделаю, – с трудом понял он то, что произнесла молодая женщина.

В телефоне слышалось какое-то завывание, как будто бы она стояла в аэродинамической трубе.

– Я спустилась, как вы просили, на берег и обыскала его карманы. Точнее сказать, я все еще стою здесь, и мне невыносимо хочется блевануть с волнореза. Проклятье! Это было отвратительно, хотя мне и не пришлось дотрагиваться до тела. Имя утопленника значилось на его футболке.

– Эрик?

– Так и есть, – подтвердила Линда. – Оно было написано поперек груди водостойким фломастером. Но я уже сказала вам, профессор, чтобы этот тип ни сделал вашей дочери, от него вы больше ничего не добьетесь.

«Вот тут ты ошибаешься», – подумал Херцфельд и вспомнил слова своей дочери, записанные на автоответчике.

Ханна ведь не сказала, что Эрик позвонит ему. Не говорила она и о том, что он передаст Паулю дальнейшую информацию. Дочь произнесла: «Ожидай Эрика. У него есть дальнейшие указания для тебя». При этом она сделала ударение на слове «дальнейшие».

Первое указание Херцфельд нашел утром в голове изувеченного женского трупа. Сейчас же появился второй труп, и не надо было быть гением сыска, чтобы определить почерк преступника – похититель, обладая болезненным воображением, явно играл в своеобразные «кошки-мышки», наспиговывая свои жертвы указаниями, которые должны были привести профессора либо к самой Ханне, либо к ее бездыханному телу.

За спиной Херцфельда дважды раздался короткий сигнал автомобиля, и он, повернувшись на этот звук, увидел улыбавшегося Ингольфа, все еще ждущего профессора с работающим мотором своего «порше».

– Поговорить по телефону вы можете и в машине! – крикнул он.

В ответ Херцфельд только мотнул головой и продолжил

разговор:

– Благодарю за все, что вы для меня уже сделали, Линда, но я вынужден попросить вас еще об одной услуге. Позвоните в клинику острова и проинформируйте человека по имени Эндер Мюллер о находке трупа. Главное – чтобы вы переговорили именно с ним. Это очень важно. Вы меня поняли?

«Иначе дело примет официальный оборот, – подумал профессор. – К тому же потом труп попадает на территорию земли Шлезвиг-Гольштейн, за которую я не отвечаю. Там мне вряд ли разрешат произвести вскрытие в поисках дальнейших указаний».

– Кто такой, черт возьми, этот Эндер Мюллер?

– Комендант клиники, я его хорошо знаю.

– Надо же, какое совпадение, – язвительно проговорила

Линда.

«Вовсе нет, – подумал Херцфельд. – Скорее дополнительное доказательство того, что преступник намеренно поступил так, зная о специфике моей профессии и моих связях».

Сначала эта записка в голове убитой женщины, затем второй труп, обнаруженный именно на том острове, в клинике которого Пауль много раз проводил вскрытие еще до перевода в Берлин, когда работал в медицинском центре города Киль. Да, тот, кто скрывался за всем этим, хорошо знал, с кем имеет дело.

– Я прямо сейчас позвоню Эндеру и скажу ему о вас, Линда. Пожалуйста, больше никому ничего не говорите. Скоро

я сам приеду к вам.

– Вы ко мне скоро приедете? – с усмешкой переспросила Линда. – Разве вы не слышали, что ураган «Анна» как раз начал главную тренировку перед выступлением на зимних Олимпийских играх по швырянию домами? Крышу на здании клиники он уже снес, так что там я вряд ли кого застану.

В этот момент Ингольф снова просигналил.

– Как вы думаете, это долго продлится? – спросил Линду Херцфельд и подал практиканту знак, что на такси он ехать передумал.

– Служба по предупреждению катастроф утверждает, что по крайней мере три дня, – ответила Линда, стараясь перекричать шум ветра.

Профессор сел в «порше». В машине было тепло, и от резкой смены температур, по телу Пауля пробежал озноб. Ингольф одарил его слегка самодовольной улыбкой, как бы говоря: «Я же предупреждал», и, не дожидаясь, пока Херцфельд закроет дверь, нажал на педаль газа. Машина рванула с места, вдавив профессора в мягкие и нагретые кожаные сиденья салона автомобиля.

– Волны высотой в несколько метров! – прокричала в мобильник Линда. – Сюда не доберется даже Моисей. Мы полностью отрезаны.

– Я найду способ, – заверил ее профессор и закончил разговор.

Между тем машина вылетела на дорогу со скоростью ра-

кеты. Ингольф посмотрел на Херцфельда и спросил:

– Куда едем?

Профессору следовало попросить своего практиканта отвезти его домой, но, глядя на самодовольное выражение лица фон Аппена, не сдержался и произнес:

– В Гельголанд!

При этом Пауль с удовлетворением отметил про себя, что самовлюбленная улыбка на лице Ингольфа мгновенно испарилась.

Глава 15

Гельголанд

– Послушайте, вы знаете, почему у мужчин не бывает целлюлита?

– Что вы сказали? – переспросила Линда, сбитая с толку внезапной переменой темы разговора.

Только что Эндер Мюллер прожужжал ей все уши жалобами на то, что все ответственные лица – врачи, медсестры и санитары – трусливо смылись из клиники и оставили его в «этих руинах» в полном одиночестве. А теперь получалось, что комендант просто хотел рассказать ей анекдот.

– Целлюлит, или, как его еще называют, апельсиновая корка, ну вы знаете. Итак, повторяю вопрос: почему у мужчин его не бывает?

– Потому что это отвратительно выглядит, – скептически сдвинув брови, проговорила Линда за спиной Эндера, решив сразу же ответить на шутку, которую слышала не в первый раз.

Комендант, шедший в двух шагах впереди нее, толкал медицинскую каталку по скудно освещенному коридору клиники. Главная электромагистраль не работала, и, чтобы напрасно не перегружать блок аварийного питания, светильники работали в энергосберегающем режиме.

– Вы уже знаете этот анекдот? – Эндер обернулся к ней

и окинул таким взглядом, каким смотрит ребенок у кассы супермаркета, обнаружив, что для покупки жвачки у него не хватает десяти центов.

Однако Линда была не в том настроении, чтобы подбодрить своего спутника:

– Вы везете труп в морг и при этом рассказываете «бородатые» анекдоты. Что с вами, черт возьми?

Эндер вздрогнул всем телом, как побитая собака, и стал казаться еще ниже ростом, которым и так не мог похвастать. Будучи немцем с турецкими корнями, комендант, по образному выражению брата Линды, являл собой формат «шесть на девять», то есть накачанного мышцами широкоформатного карлика. Нехватку роста он, по-видимому, старался восполнить усиленной тренировкой с гантелями.

Его предплечья напоминали Линде большие окорока, свисавшие с потолка в мясных лавках. На нем была рубашка с длинными рукавами, видневшаяся из-под синей спецовки, которая не то села во время стирки, не то специально была подобрана так, чтобы подчеркивать его огромные плечи. Сама же Линда склонялась к последнему.

Между прочим, эта гора мышц была далеко не единственным экземпляром на белом свете. Линде и раньше доводилось видеть парней, накачавших мускулатуру при помощи анаболических стероидов. Однако сейчас это принесло немалую пользу – в самый разгар шторма Эндер умудрился в одиночку дотащить тело покойного до своего электромоби-

ля. Ей же оставалось только изумленно взирать на его действия в немом молчании. И это молчание было связано не только с происходившим на берегу, но и событиями нескольких последних часов, которые вообще не поддавались описанию словами. Линда была по-настоящему удивлена, убедившись в том, что этот Эндер Мюллер существовал на самом деле, и в том, что все это ей не приснилось.

После нескольких попыток Линда обнаружила коменданта, которому оказалось на вид не больше сорока лет, в гостинице «Бандрупп». В клинике же, по телефонному номеру, которой на всякий случай был записан на листке бумаги, прикрепленном на кухне, как она и предполагала, никто не ответил, а квартирного номера Мюллера в тонюсенькой телефонной книге острова не значилось.

Некоторое время она размышляла о том, как ей лучше начать разговор с комендантом. Ну не говорить же: «Прощу прощения, но некий профессор Херцфельд просит вас осмотреть труп...»

Однако ее сомнения оказались напрасными – Херцфельд уже успел сам дозвониться до своего знакомого и подробно проинструктировать его. Как только Линда нашла Мюллера, тот сразу же выехал, чтобы доставить до клиники тело покойника, болтавшееся в воде.

– Еще один уставший от жизни, – едва появившись на волнорезе, заявил комендант, указывая рукой на мертвеца, облаченного в футболку с надписью «Эрик» на груди. – Вот мы

с ним и познакомились. Знаете ли, раз в году здесь с обрыва кто-нибудь обязательно спрыгивает. Когда возникают сомнения насчет самоубийства, приезжает Херцфельд и в морге клиники производит вскрытие. Он хороший парень.

Линда не ответила. Она даже не стала смахивать с лица капли дождя, надеясь, что этот кошмар скоро закончится. Однако ее надеждам сбыться было не суждено. От мрачных мыслей женщину отвлек голос Мюллера, который громко произнес:

– Думаю, что профессор прав. Лучше об этом случае пока помалкивать, не так ли?

Она так и не поняла, ожидал ли комендант от нее ответа или нет, и только пожалала плечами. Между тем Мюллер продолжил развивать свою мысль:

– Я имею в виду, что на острове больше не осталось представителей полиции, врачи разбежались, а тут вдруг обнаруживается труп. Нет, это вызовет только панику, а она в условиях, когда никто не может покинуть Гельголанд, совсем ни к чему.

С этими словами Эндер достал специальный мешок для трупов, развернул его и накрыл им мертвеца. К счастью, он не стал просить Линду о помощи, хотя по его искаженным от отвращения чертам лица она поняла, что Мюллер не привык к обращению с умершими. Ее это несколько успокоило.

– Не считайте меня эпотажным человеком, леди! – крикнул он, укладывая труп в багажник, перед тем как поехать

в клинику. – Но если Херцфельд что-то утверждает, то так оно и есть. Лично я доверяю ему безгранично.

Вначале Линда хотела отказаться сопровождать Эндера, но потом передумала. В своем доме она больше не чувствовала себя в безопасности, на острове у нее знакомых не было, а прятаться ото всех ей надоело. Сейчас любое общество, даже если его составлял культурист-коротышка со странным чувством юмора, радовало ее больше, чем перспектива дальше пребывать в одиночестве. Поэтому женщина и последовала за Мюллером в клинику, а затем и к лифту, чтобы вместе спуститься с ним в подвал, где располагался морг.

«Главное, чтобы аварийный генератор не вышел из строя, а то мы можем застрять в лифте», – подумала Линда, хотя нечто подобное ее бы уже не удивило.

– Надеюсь, что эта гребаная погода через три дня закончится, – проворчал Эндер, почесав затылок.

Увидев его жест, Линда поневоле задаваясь вопросом, почему мужчины, имеющие колоритный череп, сразу не обрются наголо, если их волосы не прикрывают больше блестящую лысину.

– Почему именно через три дня? – спросила она, невольно нагоняя Мюллера.

– Иначе я не попаду на «ГТТ».

– «ГТТ»?

– Да, «Германия – твои таланты». Это такое телешоу. Мне обязательно надо на него попасть. Надолго я здесь задержи-

ваться не собираюсь.

Тем временем они подошли к двери из непрозрачных стеклопакетов, открывавшей вход в пристройку клиники.

– Должность коменданта – это не мое. Я предназначен для более высокого! – заметил Мюллер.

– Ага, ну конечно, – машинально поддакнула Линда, а сама задумалась, не лучше ли ей было остаться одной в своем доме и, чтобы отвлечься от всего этого, заняться в мастерской на чердаке рисованием комиксов?

– Когда мне доводилось выступать перед публикой с миниатюрами, то меня постоянно вызывали на бис, – продолжал говорить о своем Эндер. – Но теперь «Анна» может поставить крест на моей карьере. Вы понимаете, о чем я?

«ГТТ»? Линда смутно припомнила, как однажды она переключила телевизор на это кастинг-шоу, на котором какая-то слабослышащая пенсионерка изображала танцевальные па, больше походившие на эпилептический припадок, чем на объявленный ведущим брейк-данс. Не менее слабоумное жюри проголосовало за эту бабулю, которую под неистовые аплодисменты публики сменил некий сорокачетырехлетний делопроизводитель, прошедший в следующий тур только потому, что обернулся в пеленки, засунул соску в рот и поджег себе задницу. Тогда Линда еще удивилась, откуда берутся подобные идиоты, которые позволяют тянуть себя через весь манеж за продетое в нос кольцо. Теперь ответ на тот вопрос стоял перед ней.

– Моя программа называется «Комедия тела», – продолжал откровенничать Мюллер, глаза которого заблестели, словно в них отразились огоньки гирлянды на рождественской елке. – Я появляюсь перед жюри голым и начинаю играть своими мускулами, рассказывая анекдоты. – Эндер многозначительно помолчал, а потом добавил: – Ну, не совсем голым, конечно. Мой самый большой мускул остается закрытым.

– Сейчас была очередная шутка?

– Ответ отрицательный. Но я могу рассказать вам действительно хороший каламбур. Вот, послушайте: «Вчера надо мной освободилась квартира в подвале».

Произнеся это, Мюллер растянул рот в широкой улыбке, а Линда только закатила глаза. Между тем они подошли к лифту. Не успел Эндер нажать на кнопку, как раздался телефонный звонок.

Комендант пошарил своими массивными пальцами по поясу для инструментов, охватывающему его бедра, словно патронташ, и вытащил из прозрачного кармашка беспроводной телефон, подключенный к стационарной телефонной сети.

– Медицинская клиника. Эндер Мюллер. Слушаю вас! Что? А, это ты! Нет, мой мобильник разрядился. К тому же здесь, в подвале, нет приема. – Проговорив это, Эндер громко расхохотался и добавил: – У нас все отлично. Не беспокойся.

При этом Мюллер заговорщически подмигнул Линде, и та всерьез задумалась, стоит ли ей входить с этим человеком в подъезжавший к ним лифт. Однако при мысли о возвращении в дом, где на ее кровати лежал какой-то незнакомец, а может быть, и сам Дэнни, ее тело охватил озноб.

«Может быть, подождать здесь? – размышляла она. – Или все-таки стоит спуститься в морг, где, конечно же, еще холоднее? Ведь Мюллер говорил, что после аварии с электрооборудованием остановились и насосы, подававшие в клинику тепло».

– Гельголанд теперь является землей, идущей в ад⁶, если ты понимаешь, о чем я, – сказал Эндер в телефон и для лучшего понимания собеседником смысла его не очень удачной шутки еще раз передал сказанное по слогам.

Убедившись, что на другом конце провода оценили его «каламбур», Мюллер заявил:

– Мир здесь проваливается в тартарары, и ни одна собака даже нос на улицу не высовывает. Я мог бы доставить труп в клинику на индийском слоне, и никто ничего не заметил бы, Пауль.

«Пауль Херцфельд, – догадалась Линда. – Больше никому». Подошел лифт, и они вошли в кабину. При этом Эндер следовал впереди, толкая каталку с трупом перед собой. К

⁶ В данном случае имеется в виду игра слов – название острова, пишущееся по-немецки Helgoland, передано на английский манер To-Hell-Go-Land, что дословно переводится как «в ад-иди-земля».

счастью, белый мешок был непрозрачным, ибо Линде и без того хватало, что под пленкой контуры тела мужчины просматривались достаточно четко.

Тем временем Мюллер продолжал разговор.

– Я сказал леди, что с обрыва сиганул еще один уставший от жизни человек. Что-что? – Эндер покосился на Линду. – Да, она со мной и, если мне будет позволено сказать, то должен признать, что у этой женщины огромные глаза. Они как мужские ноги – такие же большие, влажные и черные. – Его смех оборвался так же внезапно, как и начался. – Нет, я не цитирую Фипса Асмуссена. Это из... Хорошо, хорошо. Я тебя внимательно слушаю. – Последовала длительная пауза, время от времени прерываемая хмыканьем Эндера. Затем он внезапно громко воскликнул: – Ни в коем случае!

Между тем лифт остановился, и двери открылись, давая проход в подвал. При мертвенном свете автоматически включившихся неоновых трубок освещения Эндер принялся, пятясь назад, дергать каталку. В этот момент Линде показалось, что вопреки ее ожиданиям воздух здесь, внизу, был намного теплее, чем наверху, хотя изо рта у нее по-прежнему шел пар.

– Может быть, это и ужасно важно, Пауль, – возобновил разговор Мюллер. – Но ты сказал, что я должен только быстро доставить тело в морг, и на этом мы квиты.

Они остановились возле окрашенной в светло-зеленый цвет раздвижной двери. Эндер зажал телефон между пле-

чом и подбородком и обеими руками раскрыл ее. Затем они вошли внутрь помещения с низким потолком. По размерам оно напоминало волейбольную площадку и в полумраке могло сойти за кухню какого-нибудь отеля. Здесь были такие же отделанные белым кафелем стены, шкафы из нержавеющей стали и раковины у стены. В общем, все было бы вполне мирно, если бы посреди комнаты не возвышался секционный стол...

– Нет. Ни в коем случае, дружище! – продолжал сотрясать воздух Мюллер. – У меня и без того задница в мыле! С меня достаточно того, что я уже стою здесь, в анатомичке!

Произнося все это, комендант нажал на два больших горевших зловещим светом выключателя рядом с дверью, и на потолке замигало несколько неоновых огней. Одновременно под потолком заработал и вентилятор.

– Честное слово! Ты требуешь от меня слишком многого! Даже не думай об этом! Я и так сегодня из-за тебя уже прикоснулся к трупу!

Во время столь насыщенной эмоциями тирады Эндер принялся одной рукой дико жестикулировать, а потом, указав на шеренгу холодильников, стоявших у стены справа от него, устало выдохнул:

– Я ненавижу бывать здесь, внизу.

Внезапно он остановился и повернулся к Линде, все еще стоявшей в дверном проеме.

– Эй! Вы кем работаете? – спросил Мюллер.

– Что?

– Вы кто по профессии? Чем зарабатываете себе на хлеб-бушек, Линда?

– Я рисую.

– На стенах? Или вы создаете картины? – продолжал задавать вопросы Эндер, одновременно передавая информацию своему абоненту.

– Комиксы! – ответила она так громко, что ее услышал даже Херцфельд на другом конце телефонной линии.

Выслушав очередной вопрос профессора, Эндер в растерянности почесал в затылке.

– Насчет ее глаз ты не среагировал, а вот руки тебя почему-то заинтересовали! – Он покосился на Линду, а затем сказал: – Пальцы у нее красивые, как у пианистки. Хорошо, да, передаю...

С этими словами Мюллер протянул Линде телефон.

– Что? – удивилась молодая женщина.

– Он хочет поговорить с вами.

Линда брезгливо прижала к уху влажную трубку, покрытую липким потом коменданта, и только через несколько секунд до нее дошло, что явилось причиной столь необычного волнения Мюллера. Херцфельд не стал ходить вокруг да около, а сразу приступил к главному:

– Я узнал, как обстоят дела на самом деле. Вы были правы. Похоже, мне понадобится больше времени, чтобы оказаться у вас на острове.

В это время сзади послышался какой-то шорох. Оказалось, что его издал световой сигнальный аппарат. Между тем профессор произнес:

– Поэтому я вынужден просить вас еще об одном одолжении.

– Чего вы хотите? – спросила Линда, почувствовав, как у нее похолодело в животе.

– Вы должны произвести вскрытие трупа!

Глава 16

Берлин

– Положите мертвеца ногами в направлении стола для органов. Это маленький столик с подвижным подносом над раковиной-мойкой. Рядом располагается душ на гибком шланге. Видите? С его помощью вы можете наполнить раковину водой. Сделайте это. Сделали? А теперь снимите с трупа мешок.

Херцфельд открыл дверь машины еще до того, как Ингольф остановился на парковке возле вокзала. На всем протяжении разговора он строго следил за тем, чтобы не назвать имен и не разгласить информацию, на которую практикант, возможно, мог бы обратить внимание. Все вроде бы у него получилось. Судя по выражению лица, с которым Ингольф прощался с Паулем, стажер-неудачник еле сдерживался, чтобы не показать, как его позабавило то, что безбашенный профессор консультировал своего коллегу по телефону относительно порядка проведения вскрытия. Он определенно подумал, что это относится к прямым служебным обязанностям Херцфельда.

Пауль коротко кивнул на прощание, поскольку на большее у него не было времени. Он и так потратил его слишком много, пока забирал из дома чемодан с инструментами для проведения вскрытия и приспособлениями для осуществле-

ния осмотра места преступления. К тому же движение на дорогах практически превратилось в настоящую муку, как это всегда бывает в Берлине, когда идет дождь или падает снег. А в этот день, как назло, имело место и то и другое. На городской электричке добираться было бы намного быстрее, хотя и не так комфортно, как в машине Ингольфа, который отвез профессора сначала домой, а потом на центральный вокзал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.